

Андрей Левицкий, Алексей Бобл

ВАРВАРЫ КРЫМА

Серия «Технотьма» – 4

ebooks@prospekt.org

Часть первая.

Инкерман

Глава 1

Дневной свет лавиной обрушился на меня. От темени к затылку скатилась волна боли, я застонал, не понимая, что происходит, схватился за голову и нащупал рану на затылке. Все вокруг качалось, громко плескалась вода. Боль усилилась, под веками поплыли круги, и вдруг сквозь них проступила картина: комната с низким потолком, надо мной склонился неясный силуэт, рядом жужжит искрящий прибор. Приступ прошел. Боль уменьшилась, и картина стерлась, оставив ощущение темного глухого ужаса. Это было всего лишь воспоминание, сейчас меня окружало что-то другое... Ломило шею и плечи, болела грудь, ныла спина. Я понял, что лежу на дне лодки, в которую просачивается вода. Волны с плеском били в борта, рядом валялся обломок весла. На мне была рубаха с оторванными рукавами и широкие дырявые штаны, на ногах стоптанные сандалии из грубой кожи.

Упираясь локтями, я сел и скривился от боли в пояснице.

Было светло и жарко, солнце плавилось в серо-голубой небесной дымке. Вода бурлила, пенилась между каменистыми берегами, взлетала фонтанами у валунов. Позади лодки на длинной песчаной косе лежал передним колесом в реке мотоцикл, из двигателя его сыпались искры и шел дым.

Я огляделся, ничего не понимая. Лодку несло по стремнине, ее догоняла пара таких же посудин, в первой находился один человек, в другой двое.

Нет, на людей они мало похожи. Великаны с высокими бугристыми лбами, сутулые, с ненормально толстыми руками и приплюснутыми ушами. Одеты в меховые безрукавки и штаны, двое лысые – кожа на голове серая, морщинистая; у того, который в передней лодке, грива густых черных волос. На плече его пристроился большой лохматый ворон.

Когда я сел, волосатый бросил весло, схватил дубинку и с рычанием ткнул в мою сторону.

«Верзилы», – всплыло в голове. Их называют Верзилами. Братья, я знал их раньше. Но их же должно быть четверо!

Тот, что с дубинкой и вороном на плече, повернулся к берегу и снова зарычал. Между

деревьями появились несколько человек, впереди шла молодая черноволосая женщина – в бриджах, сапогах и кожаной куртке, очень коротко стриженная, с волевым лицом. От линии волос по левому виску и скуле до самого подбородка тянулась татуировка.

Один из мутантов в последней лодке замахнулся копьем, и женщина вскинула карабин. Из-под короткого ствола торчал штырь с приваренным клинком охотничьего ножа без рукояти. Мужчины, высыпавшие на берег позади татуированной, тоже подняли оружие, а она почему-то убрала карабин обратно за спину и сняла с пояса тускло поблескивающий металлом предмет, похожий на очень большой пистолет, но с двумя рукоятями.

Когда женщина выстрелила, на конце ствола замелькали вспышки, частый стук покотился над рекой.

Копье воткнулось в дерево возле нее и упало, когда сломался наконечник. Татуированная оказалась точнее. Две или три пули попали в Верзилу, он пошатнулся. Второй попытался ухватить его, но не успел, и раненый перевалился через борт. Стремнина подхватила тело, закружив, утянула под воду.

Странное оружие продолжало выплевывать

пули. Верзила упали на дно лодок, а ворон взлетел, хрипло каркая. На берегу дружно громыхнули ружья и пистолеты, эхо покатилося по каменистой пустоши с редкими развалинами, через которую протекала река. Взметнулось облако перьев, и птица свалилась в реку. Остальные пули ударили в борта, а потом течение пронесло нас мимо людей, и они побежали по берегу следом.

Опершись о лавку, я выпрямился. Лодки приближались к обрыву, за которым было лишь высокое голубое небо. Недалеко от водопада плыл дирижабль. Газовая емкость, перетянутая сетью канатов, состояла, казалось, из сплошных заплат, причем большинство были разного цвета, отчего рябило в глазах. Гондолой служил обитый жестью остов автобуса с медленно вращающимся сзади винтом.

Лодки преследователей подплыли вплотную. Верзила с длинными волосами ткнул дубинкой в мою сторону. Быстро нагнувшись, я достал из-под лавки обломок весла. Из-за резкого движения в темени запульсировала боль, я покачнулся и едва не упал. Сжал зубы, тяжело дыша, расставил ноги пошире.

Мутант прыгнул, и я встретил его размашистым ударом. Потеряв равновесие, он повалился за борт. Вторая лодка стукнулась о

мою, и Верзила попал в нее, опрокинув лысого. Вскочив, тот занес над головой топорик, но я метнул в него весло, как копье, и тоже сбил с ног. Сердце бешено заколотилось в груди, перед глазами поплыли круги, я привалился коленом к борту и сильно ударил себя ладонью по щеке, чтобы привести в чувство.

Из воды у обрыва торчали поросшие мхом валуны, лодку несло между ними. Гул водопада стал громче, сквозь него донесся крик бегущей по берегу татуированной женщины:

– Альбинос!

Верзила поднялся, с мычанием протянул ко мне руки. Я поставил ногу на борт, чтобы выпрыгнуть из лодки и ухватиться за валун. Посудина достигла водопада, нос выступил за край, на мгновение зависнув над пропастью. Стало видно, что обрыв тянется в две стороны огромной пологой дугой. Поток воды ниже рассеивался, она шелестящим дождем падала к далекой, покрытой трещинами земле.

Я не сумел толком оттолкнуться от борта – подошвы скользнули по влажным доскам, но зато, когда нос лодки врезался в торчащий из склона прямо под обрывом валун, мне удалось соскочить на него. Затрещали, ломаясь, доски. Вверху показались лодки преследователей, их

закругленные носы тоже сначала на мгновение застыли над бездной, а после резко качнулись книзу.

Я машинально шагнул в сторону, и нога провалилась в пустоту. Перед глазами мелькнула перекошенная рожа Верзилы с гривой темных волос, ноги другого, корма... Потом лодки вместе с мутантами рухнули в бездну, почти мгновенно растворившись в светлой синеве под ногами, а я повис на длинном узком валуне, далеко выступающем из склона.

Он надвое рассекал поток воды. Брызги били в лицо, пальцы сползали по влажному камню. Меня мутило, голова раскалывалась, но главным было другое: я не понимал, где нахожусь и что происходит! Не помнил своего имени. Ни лица, ни возраста... Будто черная пустота позади – и вдруг меня вырывают из нее, бросают в этот яркий солнечный день, полный непонятных, опасных событий!

В воздухе висела густая водяная пыль. Фыркая, захлебываясь ею, я подтянулся, кое-как улегся на валун животом, потом, едва не сорвавшись, повернулся и сел верхом, крепко охватив камень ногами, спиной к водопаду.

Дирижабль подлетел к обрыву. Сбоку на автобусе-гондоле большие кривые буквы,

написанные ярко-красной краской, складывались в слово:

КАБОТАЖНИК

«Каботажник»? Что за название для летающего аппарата? А ведь он не просто так парит там, он приближается ко мне.

Далеко справа к земле от склона тянулась арка – огромная пологая дуга из светлого камня, с которой лохматыми бородами свешивались заросли плюща. Поверху, где ветер нанес земли, росло приземистое, но с необычно толстым стволом и широкой кроной дерево, своими корнями, будто долинными щупальцами, обхватившее арку. Под корнями висели зеленые сети. От дерева к склону поднимались всадники: крошечные фигурки на приземистых животных с длинными шеями.

Сквозь шум воды донесся женский голос, вдоль склона заскакали камешки.

Дирижабль повис боком к обрыву. Перетянутая сетью канатов газовая емкость казалась мешаниной пятен всех цветов радуги. Между листами жести, прибитыми к борту автобуса, виднелись зарешеченные окна. Винт на корме больше не вращался.

Вода падала сверху, брызги летели на затылок и спину. Хорошо, что речка не слишком глубокая и бурная, а то сидеть здесь было бы невозможно.

Со скрипом сложилась гармошкой дверь, и в проеме возник карлик. Узкоплечий и кривоногий, он был облачен в широченные кожаные шорты до колен и порванную на отвислом животике, заляпанную машинным маслом майку. В ухе золотая серьга, грудь пересекает ремень, на котором висят четыре ножа. На лбу татуировка – широко раскрытый глаз с круглым темным зрачком.

Одной рукой коротышка держался за край двери, другой сжимал бутылку с длинным горлышком. Задрав голову, он сделал несколько глотков. Икнул.

– Ну и как оно, висеть на склоне горы Крым? – прокричал он, рассматривая меня необычно светлыми, прозрачными глазами. – Я тебе честно скажу, малый: выглядишь ты, как законченный идиот!

– А ты выглядишь, как кривоногий карлик на дирижабле! – хрипло выкрикнул я в ответ, и собственный голос показался мне чужим, незнакомым.

Ослабившись, карлик допил бутылку и

швырнул в меня, но не добросил – кувыркаясь, посверкивая на солнце, она влетела в поток воды под валуном.

Сверху опять донесся голос, но из-за шума воды я не смог разобрать слов. Хозяин «Каботажника» кивнул кому-то и попятился в глубь гондолы.

Заработал двигатель, дирижабль медленно поплыл от склона, взлетая. Появившийся вновь коротышка швырнул мне веревочную лестницу, которую я ухватил за конец обеими руками. Лестница провисла, потом натянулась, и я оттолкнулся ногами от камня.

Когда я закачался под дирижаблем, стало видно, что к днищу автобуса-гондолы приварен большой решетчатый ящик с двигателем. От редуктора зубчатая передача тянулась к задней оси, по бокам которой чернели заляпанные грязью колеса, дальше через трансмиссию крутящий момент передавался на рокочущий позади автобуса винт с широкими лопастями.

Двигатель тарахтел, сотрясая решетчатый ящик, гудел редуктор. «Каботажник» поднимался вдоль обрыва. Я полез вверх. Пальцы сразу занули, и только после этого я обратил внимание, что костяшки красные, распухшие, а некоторые ногти потемнели и расслоились. То ли

я очень серьезно дрался с кем-то совсем недавно, то ли пальцы мне выкручивали и зажимали в тисках. Боль в затылке иногда почти стихала, но потом усиливалась, и тогда перед глазами плыли круги. А еще мне постоянно казалось, что окружающее покрыто рябью – будто мелкие темные волны набегали на рассудок, мешая мыслить связно.

Водопад пропал из виду, дирижабль начал разворачиваться. Интересно, каким способом меняется подъемная сила, как этот карлик заставляет свою машину то взлетать, то опускаться?

На берегу речки у обрыва столпились люди во главе с татуированной женщиной. Отвернувшись от них, я ухватился за сложенные гармошкой створки, и тогда в лицо мне уставился ствол большого револьвера. Хозяин дирижабля с натугой удерживал его одной рукой, стоя в шаге от проема возле толстой железной трубы, идущей от пола к потолку автобуса. Вторую руку, с ножом, он слегка отвел назад, будто раздумывая, что всадить в меня, пулю или клинок.

– Зачем спасать, чтобы сразу убить? – спросил я.

Несколько мгновений он рассматривал меня

своими прозрачными глазами, затем попятился и сунул нож в петлю на перевязи. Все четыре ножа были разных размеров – самый маленький висел ближе к плечу, самый большой внизу – и вид имели самый зловещий. Кривые рукояти из рогов, клинки в мелких зазубринках...

– Ты кажешься тем, кто хорошо умеет обращаться с ножами, – сказал я, оглядывая его неказистую фигуру. – Лучше, чем со стволами. Не бойся, я тебя не трону, малыш.

– Любишь честных людей оскорблять? – осклабившись, коротышка подтянул шорты. – Малыш... Да судя по твоей гладкой роже, я раза в два тебя старше! Так вот, слушай: мне Мира заплатила, чтоб привез ее с отрядом сюда, а не вытаскивал всяких олухов из водопадов. Вдруг решишь меня вниз столкнуть и улететь на термоплане?

– Не решу. – Забравшись внутрь, я присел на корточки спиной к проему. – Ты мне понравился с первого взгляда. Что за Мира?

– А та красотка с наколкой на роже. Э, погоду, большак, а ты ее не знаешь, что ли? Как это так? Вы ведь с ней... Так, ладно, лестницу за собой втяни и на месте стой!

Кабина и задняя половина автобуса были

отделены перегородками из фанеры, в среднем отсеке вдоль стен стояли лавки. В кабине сквозь проем двери виднелся штурвал, кресло и рычаги.

От вертикальной трубы, соединяющей пол с потолком, шло тепло. Я прикинул, что решетчатый ящик с движком и редуктором находится как раз под ней. У трубы стояли четыре железных короба, соединенные гофрированными шлангами... ну да, баки с топливом.

Я начал втаскивать веревочную лестницу, конец которой крепился к двум крюкам в полу. Карлик нырнул в кабину и по короткой приставной лесенке забрался в кресло. Схватившись за штурвал, локтем передвинул рычаг. При этом он то и дело косился на меня, не опуская револьвер.

Сквозь дырявый потолок, в котором виднелась нижняя часть емкости, донеслось шипение. Гондола слегка качнулась, и за окном все поползло вверх.

Он что, каким-то образом выпускает газ из емкости, а если надо взлететь – при помощи тепла от двигателя нагревает тот, что остался? Долго так не летаешь, газ надо закачивать новый.

– Что, завидно? – спросил карлик, выглядывая из кабины с револьвером на изготовку. – Таких машин по всей Пустоши только две. Лестницу вытащил? Дверь закрой тогда. И стой возле нее, я в тебя целюсь!

Пустошь. Слово пробудило смутное воспоминания – дикие земли с развалинами брошенных городов, редкие поселки, бродяги, фермеры и бандиты... Так называется вся эта местность вокруг. Мы в Пустоши? Но карлик упомянул какой-то Крым. Что такое Крым? Гора... ну да, точно, он сказал: гора Крым. Кажется, я именно отсюда, с Крыма, но...

Темная волна накрыла меня – окружающее смазлось, потом исчезло, уступив место тускло освещенной комнате, посреди которой, склонив голову к плечу, стоял сгорбленный человек со спицей и тонким крюком в руках. Он что-то говорил, хотя дребезжащий, надтреснутый голос его мало напоминал человеческий. На шее человека было какое-то утолщение, уродливый угловатый нарост. Дверь в комнату начала приоткрываться, кто-то входил внутрь... Накатил ужас, я закричал, выгнулся, пристегнутый ремнями, задергал руками и ногами, видя крюк, придвинувшийся к моему лицу, слыша потрескивание прибора возле койки, ощутил холодный металл на затылке и на шее сзади.

...И снова вокруг была гондола термоплана, но только теперь я видел ее с другой точки, стены накренились и будто бы стали длиннее. Ага, это потому что я лежу навзничь, как тогда, в лодке, и смотрю вверх. Из проема дует, за ним кроны деревьев. Мы опускаемся? Нет, уже нет, кроны не двигаются. Слышен шум реки и голоса, они все громче, женский что-то приказывает.

– Большак, ты чё, так перетрухнул на том водопаде? – Надо мной возникло морщинистое личико. – В обморок падаешь да орешь, как баба напуганная.

Вскинув руку, я схватил карлика за тонкую шею, потянул на себя. В грудь уперся ствол револьвера, но я отбил его и вышиб оружие из пухлых пальчиков. Сдавив запястье коротышки, чтоб не достал нож, спросил хрипло:

– Ты кто?

– Тот, кто тебе только что жизнь спас!

– Как звать?

– Чак я, Чак! Доставщик, грузы всякие вожу!

– А меня как звать?

– Чё?! – изумился он. – Совсем мозги в кашу,

большак? Я откель знаю, если ты сам не знаешь?

Оттолкнув его, я сел – поясницу тут же прострелила боль и занули ягодицы. Да что же это такое! Хоть одно целое место на моем теле осталось? Что со мной было, перед тем как я попал в ту лодку?!

Гондола «Каботажника» висела над верхушками деревьев, в проеме двери я видел канат, который тянулся от дирижабля к ближайшей кроне. Голоса снаружи становились все громче.

– Меня дубинкой по башке приласкали, – пояснил я, с трудом вставая. – Или еще что-то случилось. Не помню ничего. Ни имени, ни...

В затылке заломило, я сжал голову руками. Темная волна захлестнула меня, и опять во мраке проступила картина, но теперь другая: длинный бетонный коридор, озаренный тусклым бледно-желтым светом, мерцающим, страшным... По коридору идут двое, один – тот самый со склоненной к плечу головой и уродливым наростом на шее, а второго я не вижу, лишь темный силуэт. Они толкают перед собой нечто, на чем лежу я – по-прежнему пристегнутый ремнями, способный лишь приподнять голову, чтобы окинуть взглядом своих мучителей. Эти двое – люди или мутанты? Тот, который с кривой

шеей и наростом, похож на человека, а второго я не могу разглядеть толком...

Откуда-то издалека донеслись голоса:

– Влас, видел кочевников на Арке? Скоро они здесь будут.

– Видал, видал. Много их, не отобьемся.

– Подсадите меня. Чак, взлетаем! Где брат?

– Да вот он, – пропищал карлик совсем близко.

– Он жив? Что с ним? Если ты его...

Голоса стихли, страшный бетонный коридор исчез, остались только мутные темные волны, накатывающие на рассудок. Потом они схлынули, и стало понятно, что я сижу под стенкой гондолы. Надо мной склонились коротко стриженная женщина с татуированным лицом и конопатый русоволосый детина. Молодой, широкоплечий, с бандитской рожей – свороченный набок нос, шрам под глазом, вверху слева не хватает зуба. Одет он был в мешковатые штаны из черного брезента и короткое грязно-серое пальто с накладными кожаными карманами. Слева под мышкой шов разошелся, в дыре виднелась рубаха.

– Ты правда потерял память? – спросила татуированная.

Через дверной проем в гондолу один за другим залезли люди в черных кожаных куртках и штанах, в круглых шлемах с нарисованной на лбу желтой подковой. Омеговцы, вспомнил я. Они из Замка Омега – клана солдат-наемников.

– Эй, солдатня, крайний створки задвигает! – донесся из кабины голос Чака. – Лестницу, я грю, лестницу поднимите – и взлетаем быстро!

– Так ежели он ничего не... – начал Влас, тыча мне пальцем в грудь, но татуированная пихнула его локтем в бок, и здоровяк замолчал.

Она взяла меня за плечо, склонилась ниже, глядя в глаза, спросила:

– Как тебя зовут?

Я покачал головой, положил ладонь на шею и сглотнул.

– Дай ему воды, – велела женщина.

– Мира, да у меня только водяра во фляге, – ответил Влас.

Не оборачиваясь, она крикнула:

– Дайте кто-нибудь воды! Чак!

– Сами разбирайтесь! – донеслось из кабины.
– Мне взлетать надо! Да закройте ж дверь! Канат отвязали от дерева?

Последний из забравшихся в гондолу солдат раздвинул створки-гармошки, и в салоне стало темнее. Пол качнулся: дирижабль начал взлетать. Мне в руки сунули фляжку, я сделал несколько глотков тепловатой воды с неприятным земляным привкусом, потом Влас по приказу Миры схватил меня под мышки и поставил на ноги.

– Назад его отведите, – велел вышедший из кабины Чак. – Там лежанка.

Снаружи донеслись приглушенные выстрелы.

– Баллон мне пробьют! А, мутафага вам всем в глотку, зачем я в это ввязался?! – Коротышка бросился обратно, на ходу вопя: – Стреляйте по ним! От же солдатня тупая!

Влас потащил меня в кормовой отсек. Стало светлее – с лязгом по правому борту распахнулись железные створки, и вставшие под окнами омеговцы подняли оружие. Не все они были затянуты в черную кожу, на троих обычная одежда.

Выстрелы снаружи звучали все громче. Влас толкнул меня на застеленную драным одеялом койку, скинул пальто на пол и бросился назад, стаскивая с плеча оружие, но я схватил его за полу пальто, дернул на себя. Здоровяк развернулся, сжимая такой же, как у Миры, карабин с клинком от ножа вместо штыка.

– Ну, чё?! – рявкнул он.

– Кто стреляет по термоплану? – спросил я. – Кто за мной гонится?

– Да кочевники же! Мутанты из Донной пустыни!

– Зачем? Кто я такой? Что им от меня надо? Кто вы такие, почему мне помогаете?

Влас шмыгнул сломанным носом, вытер его рукавом и сказал:

– Так, слушай, мне не до того щас. Лежи пока, Мира все потом растолкует.

Он бросился к двери. Я хотел остановить его, хотел еще что-то сказать, но не смог – снова накатила боль, и череда темных волн накрыла меня.

Глава 2

Я не сразу открыл глаза – прислушиваясь к происходящему, попытался незаметно оглядеться сквозь ресницы.

Где-то неподалеку тихо играла музыка, ее перемежали треск и шипение. Снизу доносились редкие хлопки выстрелов. Рядом заговорил Влас:

– Вроде не очухался еще. Ты что ему скажешь?

– Сначала надо понять, что он помнит, – возразила Мира.

– А если все помнит?

– Ну, тогда...

Я был уверен, что лежу неподвижно, но каким-то образом она поняла, что я очнулся. Наверное, заметила, как шевельнулись веки.

– Ты пришел в себя, – громко сказала женщина.

Термоплан качнулся, из-за стенки донеслась ругань Чака. Я открыл глаза. Мира сидела на табурете перед койкой, рядом, сложив руки на груди, стоял Влас. Мы находились в кормовом отсеке «Каботажника», за приоткрытой дверью

мелькали силуэты омеговцев.

Горло пересохло, в ушах звенело. Опустив ноги на пол, я сбросил с себя пальто Власа, которым меня накрыли, медленно сел и прислонился к стене. Закружилась голова. Я потер виски и потребовал:

– Пить!

Не вставая, Мира кинула мне фляжку и, пока я дрожащими пальцами сражался с туго завинченным колпачком, спросила:

– Ты помнишь крылатую могилу?

Я напился, закрыл флягу, но назад не отдал, положил на койку возле себя.

– Помнишь?

Крылатая могила? Что за бред, о чем это она? Мелкие темные волны все еще накатывали на меня, и сквозь их непрерывную череду я пригляделся к Мире, которая, в свою очередь, пристально смотрела на меня. У нее была родинка над левой бровью. И глаза хищницы – эта женщина не знала жалости и не ценила жизнь. Во всяком случае, чужую. На ремне висел кожаный футляр, из которого торчал ствол и две рукояти того странного пистолета, стреляющего

очередями. Одна рукоять изогнута, вторая прямая и более длинная. Это что, короб для патронов? Необычное оружие. Кажется, оно называется... оно называется...

Я сморщился от боли в затылке и спросил, показывая на оружие в чехле:

– Что это?

– Мы называем его автомат. Он появился у меня... в общем, я расскажу тебе потом. Что ты помнишь? – в третий раз повторила женщина.

А любопытная у нее татуировка: закрученная кольцами лоза с узкими лезвиями вместо листьев. Откинувшись назад, я прикрыл глаза. Выстрелы смолкли, из-под пола доносилось гудение двигателя, иногда он сбивался с ритма и кашлял. За задней стенкой автобуса рокотал пропеллер, с другой стороны доносилась музыка.

Откуда я знаю слова вроде «камуфляж», «автобус», «термоплан»? Какие-то они необычные, древние, что ли. В голове всплыло еще одно: «самоход». Ну да, точно, мы внутри самохода. «Автобус» – это старинное название, большинство людей в наши времена никогда его и не слышали, а я знаю. От кого же я его знаю? Кто-то обучил меня всяким древним словечкам, названиям вещей, в основном техники,

оставшейся с прежних времен. Кто?

И кто я такой?

– Ты помнишь, как тебя зовут? – спросила Мира.

Со лба на глаза мне упала прядь волос, я собрался дунуть на нее – и замер с приоткрытым ртом. Немытые, спутанные... и серебристые. Я взял прядь двумя пальцами (а пальцы у меня, оказывается, тонкие и длинные, можно сказать – изящные), отвел от лица и скосил глаза. Ну да, точно – серебристо-белые. Даже грязные, они будто посверкивали, искрились инеем. И кожа очень светлая. Так я... я что...

– Альбинос, – сказал я.

Они с Власом переглянулись.

– Точно. Ты вспомнил, Альб? Или услышал, как я кричала на берегу?

Мне не хотелось признаваться в том, что прошлое стерлось из памяти, и каждый раз, когда женщина задавала прямой вопрос, я отмалчивался либо спрашивал в ответ. Это было на удивление легко – не отвечать на прямые вопросы. Кажется, я привык приказывать и требовать от окружающих подчинения.

- Кто вы такие? – спросил я, расправив плечи.
- Почему гнались за мной?

У Миры был такой вид, словно она собирается броситься головой в ледяную воду. Она кивнула Власу; попятившись, тот локтем прикрыл дверь и опять сложил руки на груди. Музыка смолкла. Окон в заднем отсеке не было, стало темнее – теперь свет проникал сюда только сквозь щели в фанерной перегородке. Я добавил:

– И кто я такой?

– Управитель Херсон-Града.

– Управитель? Это значит...

– Вождь. Король. Глава. Ты – сын Августа Сиды. Помнишь отца? – Тут она заговорила с воодушевлением: – Он был великим человеком. Заключил договор с нижними племенами, впервые смог договориться с Домами Инкермана...

– Нижние племена – это кочевники?

– Так называют кочевников с севера Донной пустыни, они часто поднимаются сюда.

– Донная пустыня – земля, которую я видел с водопада? Там трещины и гейзеры...

– Да. А все это, – Мира сделала широкий жест, – вершина горы Крым. Юго-западная граница.

– А что такое Херсон-Град?

– Город на юге Крыма. Говорят, в древние времена, до Погибели, он назывался как-то иначе. Сначала это был совсем небольшой поселок с парой захудалых ремонтных мастерских. Там останавливались купцы, караванщики, которые торговали с нижними племенами. Потом его купил твой отец и превратил бедный поселок в процветающий Херсон-Град. На наш рынок со всего Крыма сходятся торговцы, из Пустоши тоже приезжают. Потом Август умер, и ты стал управителем. Ну, вспомнил?

Покачав головой, я взял флягу и сделал несколько глотков.

– Ты не можешь ничего не помнить! – настаивала она. – Хоть что-то должно всплыть в голове.

– Хорошо, а как я попал в ту лодку? Кто за мной гнался, почему я... Короче, рассказывай все!

– Ты путешествовал. Тебе всегда не сиделось в Херсоне. В этот раз с небольшим отрядом обошел

Инкерманское ущелье, чтобы исследовать склоны Крыма, Арку, северные границы Донной пустыни. Ты впервые отправился сюда. Эти места для нас опасны, тут гетманы хозяева. Но ты как-то прошел мимо ущелья, Редута, спустился по склону в Донную пустыню... и чтото нашел внизу. Прислал почтового ворона с сообщением, что возвращаешься, чтобы я вышла тебе навстречу с отрядом. И чтобы мы готовились. Не знаю к чему, но то письмо... оно было каким-то странным. В общем, я...

– А кто ты такая? – перебил я.

Влас, заломив мохнатую бровь, глянул на Миру, будто ему тоже было интересно, что она ответит.

– Твоя сестра.

– Что?! – я уставился на нее. – Сестра?

– Сводная, у нас разные матери. Я твоя советница по военным делам. Когда почтовый ворон принес сообщение, мы выехали с отрядом, но ты не появился в назначенном месте. Тогда мы отправились вдоль Черной реки тебе навстречу. Ехать далеко, местность опасная... Наняли Чака. Вообще-то он с гетманами знается, нашими врагами, но карлик не один из них, просто перевозчик, иногда заправляется газом от

их гейзеров. Мы полетели к склону Крыма, по дороге увидели тебя в лодке, спустились.

Она говорила, а я с сомнением смотрел на нее. Откуда я могу знать, что эти двое не врут? Что, если они просто хотят как-то использовать меня?

– За тобой гнались люди в мехах, – продолжала Мира. – С берега мы толком не разглядели их, но они напоминали кочевых мутантов из Донной пустыни. Поэтому ты и не появился вовремя: кочевники напали на твой отряд, всех уничтожили, а тебя взяли в плен.

Переступив с ноги на ногу, Влас сказал:

– Мы этого не знаем.

Мира отмахнулась от него.

– А что еще? Мутанты схватили его и пытали. Ты же видишь, он весь в ссадинах и синяках, пальцы опухли. Наверное, они к тому же напоили его каким-то из своих снадобий. У шаманов много всяких отваров, говорят, есть и такие, которые развязывают язык, и человек не может скрыть правду. Может, хотели выяснить, что он нашел под Крымом? Или где оно точно находится. – Женщина снова повернулась ко мне. – Но ты сбежал от кочевников, мы нашли тебя, и теперь отряд на манисах преследует нас.

Манисы? Я уже собрался задать вопрос, но тут в голове всплыл образ: приземистый ящер с толстым хвостом и длинной шеей. Плоская башка, клыки, змеиные глазки. Эти твари обитают на горе Крым и у ее подножия в Донной пустыне.

Мира с Власом выжидающе смотрели на меня. Я встал, придерживаясь за стену, сделал пару шагов. Голова больше не кружилась, ноги не дрожали, но слабость еще не прошла. Ломило поясницу, ныли плечи и спина, саднило в затылке. Осторожно коснувшись его, я ощутил что-то липкое, поднес пальцы к глазам – темная мазь, похожая на грязь, пахнувшая торфом.

– Чак дал из своей аптечки, – пояснила Мира.
– Сказал, хорошо заживляет.

– Где зеркало? – спросил я. – Есть на этом корыте зеркало? Если увижу свое лицо, может, что-то вспомню.

Мира тоже встала, и Влас ногой отодвинул с ее пути табурет, когда она шагнула к двери. Снизу опять донеслись хлопки выстрелов.

– Вряд ли, – сказала сестра. – Зеркала слишком дорогие. Ну разве что медное или осколок, который карлик нашел где-нибудь в развалинах.

– Этот карлик не ваш... то есть не наш человек. Вы доверяете ему?

Влас проворчал что-то, а Мира, уже взявшись за ручку, обернулась ко мне и воскликнула с непонятной горячностью:

– Нет! Он помогает только за деньги, за ним надо постоянно следить. Не верь ни одному его слову. Он доставщик, торгаш, совет в чем угодно, если увидит выгоду. Он может сдать тебя кочевникам или гетманам...

Выстрелы внизу зазвучали чаще, и за стенкой открыли огонь солдаты. Термоплан сильно качнулся, пол ушел из-под ног. Влас схватил Миру за плечи, она вцепилась в дверь, я же боком свалился на койку, глухо скрипнувшую подо мной. Со стуком упала табуретка. Когда пол выровнялся, я сел, потирая ноющий бок.

Мира оттолкнула Власа, снова взялась за ручку, но не успела открыть дверь: та распахнулась, и на пороге, уперевав руки в бока, возник Чак.

– Ну?! – завопил он. – Чё торчите тут?! Кочевые внизу, баллон мне дырявят! Валите с моего термоплана!

Сузив глаза, Мира шагнула к нему.

– Я заплатила тебе, – холодно сказала она. – И ты доставишь нас, куда тебе сказано.

За спиной карлика стоящие возле окон «Каботажника» люди из отряда Миры стреляли наружу. На моих глазах молодой светлоусый парень в брезентовом комбезе и широкой полотняной рубахе, отпрянув, зацепился за лавку и упал со стрелой в плече.

– Две монеты! – фыркнул Чак. – И что я сделать за это должен? Слетать туда-назад потихому в обход ущелья с Редутом, про мутантов этих ваших речи не шло! А теперь я «Каботажника» могу лишиться... Уже лишаюсь!!! – истошно взвизгнул он, когда после очередной серии далеких хлопков над головой раздалось шипение, и дирижабль начал медленно заваливаться носом вниз. Я сообразил, что шипение это звучало и раньше, но было тише, незаметнее. Значит, последние выстрелы пробили в оболочке газовой емкости новые дыры.

– Наружу валите, а я улетаю! В могилу с вами я не собираюсь, большаки! – Карлик метнулся обратно.

Схватившись за карабин, Мира поспешила за ним. Влас покосился на меня и бросился следом.

«В могилу» – эти слова Чака означали нечто важное, что-то было связано с ними... обязательно надо вспомнить! Вот и Мира сказала тогда про какую-то могилу... Да странно так сказала, неожиданно, как будто ждала от меня какой-то реакции.

В затылке опять заломило – словно молотком по нему стучат! Прижав ладони к вискам, пошатываясь, я вышел из кормового отсека.

Омеговцы быстро перезаряжали карабины и стреляли, выставив стволы в решетчатые окошки. Светлоусый молодой парень, скинув с плеча лямку комбеза, пытался вытащить стрелу из-под ключицы. Пол качался, термоплан то зарывался носом, то выравнивался. Я шагнул к усатому. Он держался за стрелу и все никак не решался выдернуть ее. Поставив ногу на край лавки, я отпихнул его руки, ухватился за древко и рывком вытащил наконечник.

Усатый, тихо охнув, рукавом смахнул выступившие на глаза слезы. Я взял его за шиворот, наклонился ниже и спросил, глядя в глаза:

– Кто я такой?

Стоящие рядом солдаты, услышав мои слова, удивленно посмотрели на нас, от дверей кабины

оглянулся Влас.

– Управитель, – сказал парень. – Хозяин Херсон-Града.

Я всмотрелся в него. Искренность и удивление на лице были неподдельными. И еще что-то было в глазах парня, только непонятно, что именно.

– Ладно, – проворчал я. – Твое имя?

– Авдей, – говорил он не слишком приветливо.

– Ты не похож на солдата, Авдей. И одет иначе.

Он покосился на Власа.

– Я следопыт из Большого дома.

– Рана у тебя неглубокая, но рваная, кровь долго течь будет. Перетяни чем-нибудь.

– Перетяну, – буркнул он мне в спину, когда я шагнул к окну.

Только теперь я понял, что еще пряталось в его глазах – ненависть. Или что-то очень близкое к этому чувству.

Два наемных солдата освободили место возле

окна, и я выглянул, взявшись за прутья. Склон горы Крым остался позади, Черная речка исчезла из виду. Термоплан летел над развалинами домов – больших и маленьких, высоких и приземистых, многоэтажных коробок из серого бетона и деревянных развалюх. Последних, впрочем, было немного, в основном они сгнили или сторели, оставив темные пятна пожарищ. Когда-то на этом месте стоял огромный город – хотя до Погибели он может и не считался таким уж огромным, – а теперь были только занесенные песком, заросшие бурьяном руины да изломанные пласты ноздреватого серого покрытия. Асфальт, вспомнил я. Оно называется асфальтом, предки закатывали в него дороги.

Между зарослями, горами земли, щебня и кусков асфальта за «Каботажником» спешил отряд из десятка одетых в меха людей верхом на приземистых ящерах. Над кочевниками то и дело взлетали дымные облачка, и каждый раз сквозь шум ветра доносились хлопки.

– Почему их называют мутантами? – громко спросил я, не оборачиваясь.

– Потому что кочевые, – ответил сзади Авдей.
– Они там и люди, и мутанты, все разом живут. Звери они, дикари.

– Тихо ты! – гаркнул Влас. – Мамаша

управителя забыл, что ли, откуда?

Я обернулся – Авдей исподлобья глядел на меня. Он по-прежнему сидел на лавке, склонившийся над ним омеговец лоскутом ткани перетягивал ему плечо. Я собрался спросить, что там с моей мамашей, когда из рубки спиной вперед вылетел Чак. Едва не упав, натолкнулся на лавку, с размаху уселся на нее, вскочил и завопил в лицо вышедшей следом Мире:

– Я две монеты отработал! Я блондина вашего спас! Вот этого вот, этого самого! – он ткнул в меня пальцем. – Старшего вашего! Если б не я, он бы с водопада того – тью-тью, рыбкой вниз и с концами! Но от кочевых вас увозить я не нанимался...

Карлик замолчал, когда Мира, шагнув вперед, ткнула ему в грудь штыком карабина.

– Доставщик, ты провезешь нас мимо Инкерманского ущелья и Редута, до самого Херсон-Града... – начала она и смолкла, когда Чак ухмыльнулся.

– А что, коли так, стреляй, – разрешил он, потирая грудь. – Давай, а я посмотрю, кто из вас «Каботажничка» моего между этими доминами поведет. И как это у него получится. Ну, давай, не боись, красотка-с-татуировкой!

Глаза Миры из холодных стали ледяными, на скулах заиграли желваки – она и правда готова была выстрелить. Быстро шагнув к ним, я схватил ее за плечо и оттолкнул в сторону. Сестра тихо зарычала, развернувшись на каблуках, вскинула руки – в одной карабин, другая сжата в кулак. Опустила. Я смотрел на нее. А ведь она собралась ударить меня... интересные у нас с ней отношения.

– Альб, он хочет избавиться от нас и улететь!
– процедила Мира. Ноздри ее раздувались.

– Нет, он хочет больше денег. Сколько, Чак?

Карлик ухмыльнулся.

– От это чувствуется, что ты у них за главного, блондин! Сразу суть ухватил, э?

– Не называй так управителя! – приказала Мира.

– Да ладно, ладно! Господин достопочтенный управила, стало быть, она мне два рубля золотых положила. А теперь, раз такое дело, раз впереди нас гетманы со своими гонзами поджидают, а позади кочевые нагоняют, я четыре хочу, так что...

– Заплати ему, – бросил я, поворачиваясь, и

тут прикинувший к окну Авдей крикнул:

– Дом на пути!

Чак, подтянув шорты, бросился назад в рубку, и я пошел следом. Сквозь переднее окно автобуса, закрытое мутным стеклом с трещинами, виднелся крутой поворот улицы, и на повороте этом стояло высокое, этажей на двадцать, здание-башня. Облицовка давно осыпалась вместе со стеклами, оконные рамы тоже исчезли, остались лишь серые перекрытия да квадратные просветы между ними.

– А, расплющи вас платформа! – взвизгнул Чак, перекинул два рычага и навалился на рулевое колесо под окном. – Ща врежемся!

Заскрипели тросы под кабиной, и термоплан стал медленно поворачивать.

– Не врежемся, – сказал я, – успеем.

В отсеке сзади зазвучали выстрелы.

– Не врежемся – так все равно упадем! Видишь, как тяжело летим? Дырок куча в баллоне, газ выходит... Да чё там четыре, мне и десяти золотых за такое мало!

Здание поползло вбок. Карлик приподнялся

на сиденье, выглядывая, и повернул верньер на панели. Из динамика под ним полилось шипение, и приподнятый голос, едва слышный за треском помех, заговорил:

– И снова с вами говорит Шаар Скиталец из сердца апокалипсиса! Жаркий радиоактивный день раскинулся над Пустошью и Большим Крымом, и солнце улыбается нам во все свои тридцать два золотых зуба!

Я спросил:

– Что за Редут, про который вы говорили?

– Домина это такой квадратный с башнями, им один из гетманских Домов владеет. Вообще в Инкерманском ущелье четыре Дома заправляют, и один, Гантаров, держит этот Редут. Он вроде пограничного у них, защищает ущелье с юга.

Голос из динамика смолк, теперь оттуда неся только шум помех. Серая башня была все ближе, термоплан плавно поворачивал, чтобы пролететь мимо нее. Чак придвинулся ближе и зашептал:

– Эй, слышь, управила, а ты, стало быть, веришь им?

– Кому? – спросил я.

– Да этим... бабище татуированной и прихвостням ейным?

– В чем верю?

Мы оглянулись – все находящиеся в отсеке люди, включая Миру с Власом, стреляли из окон по нагоняющим кочевникам.

– Это тебе лучше знать, в чем. Короче, слышь: я б им и на ноготь не доверял бы! И на вот такой ноготенок! – Чак сунул мне под нос грязный морщинистый палец с покусанным ногтем. – Ты лучше меня держись, я, если что...

– Думаешь, они с Власом врут, что я хозяин их города? Что Мира – моя сестра? Зачем?

– Я откуда знаю зачем? Я сам того управилу херсонского ни разу не видал, хотя таки да, славен он тем, что волоса белые у него. А еще славен, – карлик подмигнул, – своим коварством и жестокостью. Великий интриган, инкерманских гетманов недавно так обхитрил... Чуть было не стравил друга с другом... Так, берегись! – Чак отпихнул меня, всунул голову в отсек и завопил: – Всем держаться! Крепко!

Мы плыли на высоте пятого этажа; дом-башня надвинулся, с него взлетели несколько крупных существ, похожих разом на птиц и летучих

мышей, закружились над термопланом. Белуши, вспомнил я, этих крылатых мутафагов называют белушами.

Боковая часть емкости зацепила бетонный угол, раздался звук, будто чем-то шершавым с силой вели по железу. Все вокруг задрожало, и я уперся в стену, чтоб не упасть на содрогающийся пол. Совсем рядом потянулись квадратные проемы, ведущие в сумрачные глубины постройки, полные всякой рухляди, остатков мебели, шевелящегося на сквозняке тряпья и завивающейся смерчами цементной пыли. Я мельком увидел существо в дверном проеме – вроде человек, но со слишком уж длинными тонкими руками и ногами. Высокое, тощее, с шестом в руке, оно привалилось плечом к стене, глядя на меня неестественно большими, выпуклыми, как у совы, глазами, и у ног его сидела, сложив крылья, белуша. Картина эта мелькнула – и сразу пропала, я даже заморгал, пытаюсь понять, правда ли видел ее.

– Не выдержит... не выдержит... – стонал Чак.
– Чую, не выдержит... Раздави меня платформа, сейчас лопнет... А-а-а, выдержало!!!

«Каботажник» дернулся, когда оболочка перестала елозить по железу, кормовая часть сильно качнулась, за спиной кто-то упал – и домбашня остался позади. Перед нами раскинулся

пустырь, по которому между развалинами и котлованами извивалась земляная дорога.

И сразу очень хорошо стало слышно шипение вверху. Теперь оно звучало гораздо громче.

– Ща упадем, – заключил карлик и вскочил ногами на сиденье.

Он забрался на спинку, сдвинув крышку на потолке, сунул руку в отсек и рванул кривую рукоять. Что-то со скрежетом провернулось вверху, лязгнуло. Рукоять рывком ушла вниз, Чак повис на ней, болтая ногами.

Когда он спрыгнул обратно на сиденье, шипение еще усилилось, и термоплан быстро пошел вниз.

– Ты выпускаешь газ через клапан? – спросил я. – Зачем?

– За мной давай! – соскочив на пол, карлик бросился из кабины. – Там рычаг тугой, сам не перекину!

Мы поспешили через салон. Мира, повернувшись от окна с автоматом в руках, крикнула:

– Почему опускаемся?!

Отмахнувшись, Чак нырнул в задний отсек, сдвинул в сторону лежанку и открыл нишу, из которой торчал рычаг. От него три тонкие железные штанги наклонно уходили в пол. Над рычагом было незамеченное мною раньше окошко, прикрытое жестяной ставенкой. Карлик распахнул ее.

Я склонился к окну. «Каботажник» летел совсем низко, кочевники нагоняли. Окно находилось в левой стенке, сбоку от него проносились, тяжело рокоча, лопасти винта.

– Что ты хочешь сделать? – спросил я, присев рядом с Чаком и схватившись за рычаг.

– Перекинуть привод на колеса... Там редуктор... – он поднатужился.

– Мы что, поедем?

– Ну! Я вверху крылья выпустил, отсек раскрыл, счас лебедка баллон в него втягивает, пока газ выходит. Не томи, управила, навались, иначе я стану последним, кто видел твою глупую рожу!

Я налег на рычаг. В полу заскрежетало, он дрогнул, и гудение винта начало смолкать.

– Готово, назад давай! – Чак помчался

обратно, но я не последовал за ним: пригнувшись к окошку, снова выглянул.

Треугольная плоскость крыла выдвинулась с крыши автобуса. В гладком листе металла отражалась, как в зеркале, пробегающая внизу земля. Стекла в проеме не было, и я высунулся дальше.

На бегу ящеры качали длинными хвостами, кривые ноги их так и мелькали, за преследователями поднималось облако пыли. Смуглые кочевники держали плетеные щиты, копья, самострелы и ружья. Воспользовавшись тем, что развалин и ломаного асфальта стало гораздо меньше, десяток всадников расходился обратным клином, беря термоплан в клещи.

А он уже почти опустил. Вверху виднелась задняя часть газовой емкости, она морщилась и опадала, тросы затягивали ее в раскрытый отсек на крыше автобуса.

Лопасты винта замерли, и тут же колеса «Каботажника» коснулись земли. Автобус-гондолу потрянуло так, что я покатился по полу. Из среднего отсека донесся грохот и ругань. Ударившись головой о койку, я встал на четвереньки, слизнул бегущую по губе кровь и поковылял обратно к окну.

Кочевники окружали «Каботажник», который снова приподняло над землей. Когда моя голова возникла в проеме, низкорослый бородатый всадник в меховой юбке и безрукавке метнул копье. Я дернулся вбок, оно пронеслось сквозь проем, через открытую дверь влетело в средний отсек и воткнулось в лавку.

«Каботажник» опустил, бешено вращающиеся колеса ударились о грунт, толкнули термоплан вперед, и он снова взлетел, качаясь. Рядом с бросившим копье кочевником появился другой... это же четвертый Верзила! Ну да, он самый – рыжеватый, с длинными усами, заплетенными двумя косицами. Как же его звать – то ли Селиван, то ли Стоян... При попытке вспомнить опять заломило в затылке, и перед глазами поплыли круги.

На поясе Верзилы был широкий, в две ладони, ремень с петлями, а в них – динамитные шашки с торчащими вверх короткими фитилями. Стволом длинного охотничьего ружья он ткнул в плечо маленького кочевника, показал на меня и отрицательно качнул головой. Натянул поводья, выгнув вбок шею ящера, направил его в обход автобуса.

Должно быть, в этот момент Чак резко повернул рулевое колесо – «Каботажник», успевший вновь опуститься на землю, качнулся

на крутом повороте дороги, и люди в среднем отсеке с руганью попадали на пол. Раздался возмущенный рев Власа, что-то прокричала Мира. Я тоже упал, а когда встал на колени возле окна, Верзила был уже слева от автобуса и нагонял его, раскручивая над головой железную «кошку». Он почти сразу исчез из виду. Вскочив, я нырнул в средний отсек.

– Инкерманское ущелье впереди! – завопил высунувшийся из кабины Чак. – Прямо к Редуту летим! Назад все, на корму, быстро, чтоб нос приподняло! Да быстро же!!!

Мира, за нею Влас и остальные, кроме замешкавшегося Авдея, бросились к заднему отсеку, и я отскочил в сторону, чтобы они не затоптали меня в дверях. Карлик скрылся в кабине, нос термоплана задрало кверху, сначала передние, после задние колеса оторвались от земли.

Дверь с треском пробил ржавый крюк «кошки». Хрустнув, сложилась гармошкой створка. Снаружи Верзила рванул привязанную к «кошке» веревку и выворотил ее из пазов.

Низкорослый кочевник с жесткой черной бородкой, в меховой юбке и безрукавке, перепрыгнул со спины ящера в дверной проем. Он замахнулся утыканной стеклянными

осколками дубинкой, другой рукой набросил мне на шею кожаную петлю, конец которой был намотан на его жилистое запястье. С диким воем, от которого заложило уши, коротышка рванул меня, пытаясь выволочь из автобуса.

– Помогите ему! – закричала Мира, бросаясь к нам.

Возникший сбоку Авдей ножом рубанул по туго натянувшейся полоске кожи. Задыхаясь, я схватился за шею, присел. Перерезав петлю, Авдей дернул меня за плечо в другую сторону. Кочевник, вереща, прыгнул за нами, поднимая дубинку, но его встретила Мира. Присев, она мягко качнулась вбок, уходя от удара, и взмахнула карабином. Отточенный клинок штык-ножа скользнул по правому боку кочевника наискось вверх, через ребра, к груди, оставляя тонкую темную линию.

Воинственный клич кочевника превратился в хриплый крик боли. Гладкий смуглый бок разошелся, будто рассеченная тесаком свиная туша, брызнула кровь. На месте отскочившей Миры возник Влас. Он пнул бородача ногой в живот и сквозь проем выбил его из автобуса, как пробку из бутылки.

И тут же «Каботажник» качнулся так, что Авдея бросило следом. Он выпал из автобуса, а я,

схватившись за привинченную к полу лавку, сунулся в проем за ним и схватил за ворот куртки.

Ветер ударил в лицо. Возле «Каботажника» неслись трое кочевников во главе с Верзилой. Он держал веревку, сзади на ухабах подпрыгивала дверь, Верзила подтягивал ее к себе.

Авдея встречный поток воздуха распластал по борту. Покрепче ухватив воротник, я попытался подтянуть следопыта к себе.

Колеса термоплана снова ударились о землю, снова подскочили... и потом снаружи все мгновенно изменилось. Кочевники остались где-то позади, исчезли руины и земляная дорога. Под «Каботажником» распростерлась глубокая расселина, несколько мгновений термоплан неся над ней, потом лавка под рукой поддалась, пальцы соскользнули, и мы с Авдеем выпали наружу – прямо на поросший кустами склон.

Глава 3

Припадая на левую ногу, я проволоком усатого еще несколько шагов и присел в кустах.

Хорошо, что склон, на котором остались кочевники, отвесный – спуститься они там не могут, придется им огибать расселину, а она неизвестно сколько тянется в обе стороны. Но они видели, куда мы упали, и торчат на виду, чтобы дожидаться возвращения отряда Миры, нельзя. Да еще гетманы-рабовладельцы из ущелья, про которых твердили Мира с Чаком, и Редут, который, судя по разговорам, где-то неподалеку... Что это за гетманы, что за Редут?

Я потащил Авдея дальше. При падении он пострадал сильнее и висел на мне, едва переставляя ноги. Близился вечер, но пока еще было светло. На дне расселины среди густых зарослей журчала вода. Хотя весил молодой следопыт вроде и не много, волочь его по крутому склону было тяжело, тем более тот становился все круче. Рокот двигателя, выстрелы карабинов, частый стук автомата и крики Чака давно смолкли, было тихо, лишь шуршала осыпающаяся вместе с мелкими камешками земля да ветер шелестел кустами.

– Кочевые видели, что мы упали, – тяжело дыша, сказал Авдей.

Расселина изогнулась, я сделал еще несколько шагов и остановился. За поворотом из склона торчал грузовик с квадратной кабиной и длинным ржавым кузовом. Я отпустил следопыта, который сразу лег на склон боком и вцепился в торчащий из земли камень, чтобы не съезжать.

– Ребро у меня треснуло, – пробормотал он. – Или сломано.

Слова едва донеслись сквозь гул – как в термоплане, когда впервые после пробуждения я услышал слово «Пустошь», меня снова накрыла темная волна. Мир качнулся, уплыл куда-то... весь, кроме машины, торчащей из склона. Только теперь это была другая машина. Да и склон другой.

Я уже не стоял – лежал на каменной глыбе, выставив голову за край, а в ущелье подо мной висело, далеко выступая из дыры между камней, длинное тускло-стальное тело.

Вдруг я понял, что высоко в небе над головой что-то летит, а рядом на камнях лежат люди, трое или четверо... То есть я не видел их, но знал, что они там, и начал поворачивать голову, чтобы посмотреть на них, но не успел – все померкло.

Я стоял на коленях за кустом, упершись

взглядом в грузовик, примерно на треть погруженный в склон. Авдей неподвижно лежал рядом.

Моргнув, я потерял виски. Мутантово наваждение! Ведь эти картины как-то связаны с недавним прошлым, с теми событиями, из-за которых я потерял память. Сначала был бетонный коридор, комната и непонятная личность с шеей, изуродованной угловатым наростом. Теперь эта машина – длинный железный корпус, торчащий из дыры в склоне ущелья. Что за машина? Это именно то, что я нашел в экспедиции под Крымом, из-за чего меня пытали кочевники? Покатый вытянутый корпус что-то напоминал мне. А ведь я точно находился в том месте не один, кто-то лежал рядом и тоже смотрел на машину. И еще – когда видение накрыло меня, у меня возникло ощущение, будто что-то парит невысоко над ущельем. Только я не успел увидеть, что именно, видение слишком быстро закончилось. Может, если оно повторится, я смогу лучше понять, что происходило тогда?

Я потерял лоб, разглядывая грузовик. Ниже и по сторонам от него скос был почти отвесным, но вверху тянулся полого, там росли кусты с бледными цветками, над которыми жужжали пчелы. Я прищурился. Оси совсем проржавели, шины сгнили, от колес остались тускло-рыжие

диски. Стекол в кабине нет, вместо них решетки с толстыми прутьями, между ними из лобового окна торчит ствол, похожий на пулеметный.

– Дальше надо идти, – хрипло прошептал Авдей. – Кочевые догнать могут.

Повязка на его плече пропиталась кровью, правая штанина порвалась, в прореху выступало распухшее синее колено. Лицо бледное, губы трясутся... упал он неудачно, да еще и я свалился прямо на него.

– Так, а ну снимай ремень, – велел я. – Тебе сейчас от оружия все равно толку мало.

Он отпустил камень, за который держался, лицо исказилось на мгновение, и я подобрался: Авдей явно готов был выхватить нож и наброситься на меня, а может, и выстрелить из револьвера, наплевав на то, что звук привлечет кочевников.

Мои пальцы сжались на голыше, лежащем под кустом. Я сидел выше и, в случае чего, легко мог с размаху вмазать следопыту по башке. Интересно, за что паренек так меня ненавидит? На самом деле это даже радует, когда твоя персона вызывает у кого-то сильные чувства... хотя и чревато последствиями.

Некоторое время Авдей лежал неподвижно, потом с шипением выпустил сквозь сжатые зубы воздух и расстегнул пряжку ремня. Пальцы его дрожали.

Подпоясавшись ремнем, на котором висели нож и кобура с револьвером, я достал оружие, и кривая толстая рукоять привычно легла в ладонь... Ну да, именно что привычно. Мне много раз доводилось держать в руках подобные убийственные штуки, тут уж без сомнений. Я вытянул штырек под стволом, отщелкнул барабан – пять патронов. На ремне в петельках находилось еще около двух десятков.

– Ты ведь раньше видел меня? – спросил я.

– Что? – не понял он.

Не убирая револьвер в кобуру, я повернулся к Авдею, и он отпрянул, съежившись.

– Чего испугался, следопыт? – спросил я.

Он молчал, глядя в землю.

– Ну так повторяю вопрос: ты видел меня раньше?

– Видел издалека. На площади.

– У меня здесь пусто, – пояснил я, хлопнув ладонью по лбу. – Потерял память, когда в плен попал. Наверное, кочевые меня пытали. Я хозяин Херсон-Града, да?

– Хозяин.

– Какой ты разговорчивый, Авдей, прямо заболтал меня. Скажи, ты уверен, что это именно я? Откуда знаешь, если, говоришь, вблизи меня никогда не видел? Это вам Мира с Власом сказали, будто я – управитель? Ну, не молчи, отвечай уже!

– Вас же узнать легко... У вас же... – придерживаясь за камень одной рукой, он провел ладонью по волосам. – Да и не так уж далеко я тогда был. Мы помост оцепляли на площади, с которой вы речь народу говорили.

– Народу, – повторил я. – А что народ обо мне говорит?

Он отвернулся. Я сел, поджав ноги, склонился к нему и постучал стволом револьвера по здоровому плечу.

– Что про своего управителя толкуют жители Херсон-Града? Отвечай!

– Чтобы ты меня убил? – с ненавистью

прошептал он.

– Не убью. Я тебя вообще-то спасаю, ты заметил? Надо уходить отсюда, а там этот грузовик... ответь на мои вопросы, и будем решать, как отсюда выбираться.

– Ты... – он облизнулся и сглотнул. – Ты жестокая мразь! Альб Кровавый, так тебя называют! Кровожадный, как... пустынный катран. Столько душ сгубил... Ты отца моего приказал в кандалы... К гетманам в каменоломни продал, он сгинул там...

Авдей оскалился, словно больше не мог сдерживаться, рывком приподнялся и вдруг ухватил меня за горло. Потянул на себя. Хватка была слабая – он потерял много крови, но и я чувствовал себя не слишком хорошо. Хотя головная боль прошла, до сих пор ломило в пояснице, ныли суставы рук, и часто накатывала слабость.

Внизу плеснулась вода, что-то прошуршало в кустах. Мы застыли, сжимая друг друга – он держал меня за горло, я его за волосы и запястье. Шуршание смолкло, булькнуло, будто в воду упал камешек. Подул ветер, зашелестели заросли.

Отпустив руку следопыта, я вытащил из ножен кинжал и ткнул Авдея под нижнее ребро –

не слишком сильно, но так, чтобы проколоть плотную ткань комбеза.

Он отцепился от моей шеи, всхлипнув, скрючился на склоне, накрыл голову руками и поджал ноги, будто пытаюсь защититься от этого жестокого мира и от меня.

– Не помню, что там с твоим отцом было, – тихо сказал я. – Теперь не до того, понимаешь? Отомстишь мне позже, если сможешь, а сейчас надо выбираться отсюда.

Он молчал.

– Авдей, а про сестренку мою что говорят, про Миру?

– Убийца, – произнес он сдавленно. – Такая же, как ты.

– Надо же, как на подбор... А отец наш, Август, тоже хорошим человеком был?

– Август был великим человеком! Весь Крым его знал. Херсон-Град создал.

– А моя мать? Она из кочевых, что ли?

– Да.

– Но не все кочевые мутанты? Разве Август в

жены мутантку взял бы?

– В нижних племенах и люди, и мутанты живут. Управительница, наверно, обычной была, человеком. Он на ней женился, чтобы с племенами союз заключить. Что там плеснулось?

– Я откуда знаю? Сказано же тебе: у меня память отшибло. Кто может обитать в таком месте?

Авдей покачал головой и сел, снова ухватившись за камень. Только сейчас я осознал, насколько в действительности молод следопыт – раньше понять это мешали усы. На лице его пыль превратилась в грязевую корку, в которой слезы оставили две светлые дорожки.

– Мы еще на краю Крыма, – прошептал он. – Здесь всякие мутафаги живут. Черепахи кусачие или... Надо уходить, пока кочевые не появились или дозор гетманов из Редута нас не нашел!

Голос звучал недоверчиво: кажется, Авдей был очень удивлен, что Альб Кровавый оставил его в живых.

Я с сомнением смотрел на грузовик. Подозрительно он выглядит – как его туда всунули, в эту дыру на склоне? Или тут какое-то землетрясение было, из-за него машина таким

необычным образом застряла? Пока что в темных окнах кабины ни разу ничего не шелохнулось, но...

– Под ним не пойдём, – решил я. – Склон почти отвесный, а из пулемета того вся расселина простреливается. Надо поверху, но сначала проверить, есть ли кто внутри. Сиди здесь и никуда не суйся, понял?

Когда я привстал, чтобы забраться к грузовику, Авдей сказал:

– Нельзя мне здесь, кочевые заметят.

– Тише ты! – я оглянулся. – Лежи под этим кустом, не шевелись, тогда не заметят сверху.

– А если они по склону спустятся?

– Увидишь, что идут, – сползай к ручью, там заросли гуще.

Я заспешил к машине, но Авдей снова подал голос:

– Альб... управитель! Оставь мне что-нибудь, чтоб защищаться.

Я достал из ножен и бросил назад кинжал – клинок вонзился в землю возле камня, за

который держался Авдей. Следопыт перевернулся на другой бок, спиной к машине, и выдернул кинжал.

Пригибаясь, я поднялся до середины склона и оказался немного выше грузовика. Небо серело, стало прохладнее, но жара еще не спала. Отсюда я едва различал Авдея, его комбез сливался с окружающим, – зато хорошо видел верхнюю часть кабины и крытого кузова. На середине его был люк.

Перебравшись со склона на машину, я достал револьвер и осторожно, чтобы подошвы не скрипели по металлу, прокрался к кабине. Улегся на живот, свесив голову, заглянул в закрытое решеткой лобовое окно. Ствол пулемета торчал наклонно вниз, дотянуться до него я не мог. Сквозь толстые прутья виднелся лишь край панели со свороченным набок рулем, обмотанным изолентой.

Лежащий на том же месте Авдей смотрел на меня. Между зарослями извивался ручей, под машиной он разливался в большую лужу или скорее болотце. Кусты росли прямо из затянутой ряской воды, посреди которой торчала залепленная мхом булыга. Жужжание пчел смолкло, расселину окутывали вечерние тени. Заброшенное место – все вокруг говорило о том, что тут давным-давно никто не бывал.

Непонятно, если населенный Инкерман и этот Редут рядом, то почему здесь так пустынно, почему никто не взломал люк, чтобы забраться в машину?

Я махнул Авдею, убрав револьвер в кобуру, уселся перед люком.

Кто-то пытался вскрыть его и потратил на это много сил, но так и не смог одолеть. Крышка была выгнута наружу, со стороны замка глубокие вмятины, возле одной петли ее даже сумели сломать, сквозь рваную прореху виднелся пол кузова. Скорее всего, влезть внутрь пытались очень давно, тогда еще металл был крепче, потому-то ничего и не получилось.

С тех пор минуло много... чего? Я нахмурился, соображая, и вспомнил два слова: года и леты. Год – древняя мера деления времени, простой народ ею не пользуется, большинство даже не знает, что это такое, но меня обучили... Кто же меня обучил? Перед глазами возник образ высокого старика с длинными седыми волосами, одетого во что-то светлое и просторное. Морщинистое лицо, длинный нос, высокий лоб... Кто это такой? Моя жизнь была тесно связана с этим человеком. Кажется, он заменил мне отца.

Итак – год. Он делится на четыре сезона: дождей, ветров, сезон большого солнца и

холодный сезон. Какой сезон сейчас? Я поднял голову к небу, осмотрел заросли на склоне, но не смог определить.

Этот люк на крыше грузовика пытались вскрыть очень много лет назад. Тогда не получилось, а теперь ржавчина сделала свое дело, и я проникну внутрь без особого труда.

Широко расставив ноги, я склонился над крышкой и просунул пальцы в рваную дыру возле петли. Проржавевший металл крошился и царапал кожу. Я рванул что было сил, и крышка отошла. Я выгнул ее сильнее и соскользнул в образовавшуюся прореху.

Сумрачно, тихо, пыльно. Паутина по углам. Прогретый за день металл наполнял кузов жаркой духотой. Окон нет, под стеной накрытая ветошью койка, за ней шкаф без дверцы и тумба на трех ножках. Стены усеяны белыми и черными каракулями, сделанными мелом и углем. Там были слова, написанные привычными буквами, но лишённые всякого смысла, хотя среди них попадались и понятные вроде «ОНИ ПРИДУТ», «ИЗЫДИ!», «НОЧЬЮ ОНИ СТУЧАТСЯ В ДВЕРЬ», а также значки, состоящие по большей части из коротких волнистых линий. И рисунки, тоже бессмысленные, – перечеркнутые зигзагами круги, стрелки, ромбы и квадраты, повешенные человечки с неестественно огромными головами

и кресты, очень много крестов.

Я медленно двинулся к кабине. Пахло плесенью и гнилью, мусор скрипел под ногами – куски истлевшей бумаги, битое стекло, всякие мелкие железки и щепки. Я шел, опустив оружие, дивясь всей этой нелепице на стенах, и перед самой кабиной, откуда в кузов проникал рассеянный свет, краем глаза заметил движение в сумраке слева. Сердце пропустило удар, я развернулся, вскинув револьвер.

Там стояло зеркало. Прямоугольное, с отбитыми углами, оно было прислонено к стене и разрисовано теми же каракулями. Я подошел ближе. Очень мутное и старое, да к тому же в кузове полутемно – и все же отражение видно. Бледный овал лица придвинулся из зеркальной глубины. Да ведь я совсем молод! Мне казалось, что мы с Мирой и Власом примерно одного возраста, то есть я не старик, но уже далеко не мальчишка. Сунув револьвер в кобуру, я провел пальцами по скулам, подбородку. Нет, Мира куда старше меня. Кажется, я даже младше Авдея.

И как давно я стал управителем Херсон-Града?

Я ощупал лицо, привыкая к нему, к новому образу самого себя, своей личности, появившемуся в голове, и пошел дальше. Интересно, что у меня нормальные глаза. А ведь

у альбиносов они, кажется, должны быть розовыми. Или не должны? Если волосы и кожа очень светлые, значит, в зрачках тоже не хватает какого-то красящего вещества. Как оно называется? Пигмент. Цвет своих глаз в полутьме я толком разобрать не мог, но они явно не розовые, скорее серо-зеленые или голубые.

Лишь в кабине, увидев шляпу на голове сидящего в кресле человека, я вспомнил, что забыл достать револьвер из кобуры.

Он не шевелился, я тоже замер, вперив взгляд в шляпу с продавленной тульей и обвисшими полями. Кресло, склепанное из дерева и железа, стояло на месте водительского сиденья, и человек находился прямо перед пулеметом, приклад которого я видел из прохода.

А ведь хозяин грузовика наверняка слышал, как я вскрывал люк и пробирался по кузову. Не мог он не слышать и скрип мусора под моими ногами.

Что это значит? Да то, что он давно мертв!

Обойдя кресло, я окинул взглядом того, кто сидел в нем. Там со всеми удобствами расположился скелет, облаченный в черную рясу. Интересно, как получилось, что плоть с костей исчезла, а ткань цела? Хотя она совсем ветхая,

того и гляди рассыплется.

В кабине было жарко и почти так же душно, как в кузове, у меня по лбу и по спине между лопатками тек пот. Сняв рубаху, я обвязал ее рукава вокруг пояса.

На шейных позвонках скелета висела цепочка с медальоном в виде буквы «Х», который лежал на груди поверх рясы. На кресте отлитая из серебра фигурка твари, похожей на человека... то есть мутанта. Ну да, распятый мутант – символ Ордена Чистоты.

Осмотрев кабину, я достал револьвер и стволом приподнял шляпу. В первый миг показалось, что у черепа три глазницы, но потом стало понятно, что чуть выше надбровных дуг темнеет пулевое отверстие, сквозь которое можно заглянуть внутрь. На дне черепа, то есть на верхнем шейном позвонке, лежал темный комочек – сплюснутая пуля. Скорее всего, человека пристрелили сквозь решетку лобового окна, а после те, кто сделал это, попытались проникнуть в грузовик, но не смогли вскрыть люк. Интересно, это те самые мутанты, которых хозяин грузовика поклялся уничтожить? Ведь он – монах, правильно? Монах из Ордена Чистоты, объявившего войну всей нечисти, что живет на просторах Пустоши и Крыма, то есть мутантам и мутафагам?

В кабине стало темнее. Ночь близко, пора возвращаться. Тот, кто сидит в кресле, нам с Авдеем не угрожает, но есть ли смысл идти дальше по расселине? Наверное, лучше забраться в этот грузовик и переночевать, а завтра утром решать, что к чему. И кочевники, и отряд Миры куда-то подевались, а ночью в этих местах наверняка опаснее, чем днем.

Пулемет оказался никуда не годным. Осторожно сняв шляпу с черепашки покойного, я подцепил стволом револьвера цепочку на его шею, поднял медальон. Обветшавшая ряса на груди сразу порвалась, обнажив реберные кости. Надевать железку я не стал, сунул в карман. В бардачке нашел большой сухарь, твердый, как железо, пустую флягу и треугольный кусок мягкой кожи с узором из крестов и черепов. Станным типом был этот монах. Подобрал волосы, я обвязал кожей голову как косынкой, стянул узлом на затылке. Судя по Авдею, многие питают к молодому управителю Херсон-Града не очень-то добрые чувства, а серебристые волосы – примета броская.

Пытаясь отгрызть кусок от сухаря, я шагнул к выходу из кабины, но заметил краем глаза, как что-то блеснуло на груди монаха. Вернулся, снова воспользовавшись револьвером, расширил дыру на рясе и открыл реберные кости. Посередине, где они сходились, лежала шайба из

металла с тускло-зеленоватым отливом. На ней был рисунок, едва различимый барельеф – шестерня и внутри человек.

Двумя пальцами я осторожно взял кругляш, ощутив легкое сопротивление. Скелет в кресле шевельнулся, будто от этой штуки к нему тянулись невидимые нити. Череп провалился в рясу, она смялась, и над сиденьем поднялось облако пыли.

Чихнув, я выскочил из кабины и остановился перед зеркалом. Достал цепочку с медальоном, приложил к груди, наблюдая за своим отражением. Такие кресты носят монахи и жрецы Ордена Чистоты, охотники на мутантов и мутафагов. Тут все ясно, но вот что это за шайба? Что за необычный символ, шестерня с человеком внутри, и почему я ощутил сопротивление, когда взялся за нее?

Спрятав медальон в карман, я сильно сжал шайбу в кулаке – ничего. Поднес ее к груди, не спуская глаз с отражения. Приложил к коже, вдавил указательным пальцем. Нет, не могу вспомнить, что это за штука. Странная она какая-то. Медальон с цепочкой, ряса на скелете, шляпа, пулемет, мой револьвер и нож Авдея – это все понятные, знакомые вещи. А круглый предмет из тусклого зеленоватого металла будто в другом мире сделан. Или в другие времена...

Он шевельнулся. Я вздрогнул, разжав пальцы, и зачем-то схватился за револьвер. Кругляш так и висел на груди. Я наклонил голову, разглядывая его. Он сам собой вдавился в кожу, металл разгорелся светом, а на коже появилась круглая складка.

– Мутант тебя побери... – растерянно прошептал я.

Шайба нагрелась; ощутив жжение, я попытался снять ее с себя, но ничего не вышло. В груди кольнуло, когда я потянул сильнее, свет стал ярче.

Я приставил револьвер сбоку к кругляшу, чтобы выстрелом сбить с груди, но нажать на курок не успел. Из легких будто весь воздух высосали, я задохнулся, засипел, разинув рот, выпустил оружие и упал на колени.

Кругляш изменил цвет: побледнел, пожелтел... теперь он был почти неотличим от кожи вокруг – только приглядевшись, можно было понять, что на ней висит инородное тело. Жжение прошло, зеленое свечение стало ярче.

Свет заструился по коже извилистыми нитями, которые расходились ветвясь, соединяясь и распадаясь, образуя сетку. Она накрыла грудь, плечи, сбежала к поясу по животу

и бокам. Отражение в зеркале замерцало бледно-зеленым, я застыл, все еще не в силах вдохнуть.

Запеленав тело от шеи до пояса, нити расплылись, слившись в сплошную сияющую поверхность, и погасли.

Боль исчезла. И кругляш тоже исчез – по крайней мере, для взгляда. Сердце бешено колотилось в груди. Дрожащей рукой подняв с пола револьвер, я выпрямился и осторожно коснулся стволом того места, где висела эта штука. Она все еще была там. Я рискнул ощупать ее пальцами – шайба вдавилась в кожу так, что почти не выпирала из груди.

Сунув револьвер в кобуру, я отошел от зеркала, глубоко дыша, чтоб успокоилось сердце. Что за напасть прицепилась ко мне? И чем это грозит? Прислушался к внутренним ощущениям – вроде все как обычно. Пожалуй, я чувствовал себя даже лучше, чем недавно, ссадины и синяки уже не так досаждали, хотя суставы рук по-прежнему ныли. Ну и что мне делать с кругляшом из непонятного металла и световым коконом, окутавшим мое тело, а после погасшим? Я провел ладонью по плечам и ребрам, снял с пояса рубаху, надел. Кожа на ощупь осталась прежней, чувствительность ее тоже не изменилась. Может, попробовать подцепить шайбу ножом?

Снаружи донесся приглушенный крик.

*

От места, где я оставил Авдея, к болотцу внизу тянулась полоса примятой травы. Подняв перед собой револьвер, я на корточках двинулся в ту сторону. Вскочил, услышав хруст и шелест. В густых сумерках, заполнивших нижнюю часть расселины, трудно было что-то разглядеть. Я побежал, ломая высокие кусты, зацепился за камень, едва не упал, пригнувшись, головой пробил заросли – и остановился на самом краю болотца.

Посреди него торчал затянутый мхом валун. К сидящему на вершине Авдею взбиралось существо, которое я сначала принял за большого тощего пса и лишь потом сообразил, что лапы его заканчиваются подвижными волосатыми пальцами. На длинной шее зверюги поблескивал ошейник с шипами.

Ловко цепляясь за неровности камня, тварь почти достигла вершины, когда я выстрелил ей в спину. Авдей, откинувшись назад, распрямил ноги и ударил ее каблуками в морду. С визгом зверюга свалилась в болотце. По затянутой ряской воде побежали бледно-зеленые волны, тварь фыркнула и встала на все четыре лапы. Темная кровь потекла с выступающего хребта с

буграми позвонков. Я прицелился, чтобы добить ее, но тут зашелестели кусты, и на поле боя появилось новое действующее лицо.

– Катран! – завопил Авдей.

Лоснящееся, гладкое, будто вырезанное из черной резины тело рванулось через болотце. Ноги так и мелькали, короткий хвост с вертикальной лопастью баламутил ряску позади. Торчащие по бокам плавники напоминали лезвия секир, их темные кромки бесшумно резали воду.

Миг – и катран очутился возле зверюги. Еще миг – раскрылась и захлопнулась полная клыков пасть – и башка ее отлетела, вращаясь, как волчок, ввинтилась в воду, разбрасывая зеленые хлопья ряски.

Авдей вскрикнул, а мутафаг метнулся ко мне и мгновенно очутился рядом.

Я понял вдруг, что знаю, как справляться с катранами. Этому меня тоже учили, но не тот человек, от которого я узнал слова вроде «термоплан», «автобус» или «пигмент», не старик с седыми волосами, кто-то другой. Мне много раз приходилось сталкиваться с катранами, опыта хватало – я упал на спину, согнув руку так, чтобы ствол револьвера сбоку ткнулся в черную башку,

вонзил его в длинную жаберную щель. Их было по три с каждой стороны, узких складок, под которыми колыхалась мясистая розовая бахрома. Шкура у катранов твердая и скользкая, из плавников их делают лучшие на Крыме ножи; земноводные свирепы, беспощадны и способны победить в драке даже дикого пустынного ящера, но у них есть одно уязвимое место: жабры.

Когти разорвали рубаху на груди, и я трижды вдавил спусковой крючок.

Сбросив мутафага на землю, поднялся на ноги, прицелился в остроносую, с широко посаженными глазами морду, но стрелять не стал. Плавники задергались, все быстрее, быстрее, катран будто хотел взлететь... треугольник хвоста хлопнул по воде, и тварь издохла.

Авдей выпрямился на валуне, глядя на склон за моей спиной. Безголовая зверюга – я вспомнил, что их называют гонзами, – лежала в болотце. Солнце скрылось за горизонтом, расселина погрузилась в вечерний полумрак.

– Эй, следопыт! – позвал я.

Не обращая на меня внимания, Авдей попятился.

За спиной громыхнул выстрел, и пуля вырвала кусок мяса из его плеча у основания шеи. Вскрикнув, Авдей слетел за валун. Я повернулся, направив револьвер в сторону трех людей, спускавшихся к нам через заросли. Идущий первым рябой парень снова выстрелил.

Пуля ударила, будто железный кулак. Глухо екнуло в груди; выпустив револьвер, я упал навзничь. В разрывах рубахи тускло блеснул свет, на миг проступил сквозь кожу – и пропал.

Было больно, но не так чтобы очень сильно. Я свалился головой в болото, ряска залепила нос, глаза, рот. Привстал, кашляя и плюясь, ладонью счистил с лица зеленую грязь. Пуля разорвала рубаху на груди, сплющенный комок металла скатился по животу, не оставив раны.

Ничего не понимая, я сел, стряхнул со штанов пулю и поднял глаза на трех мужчин, подошедших к болотцу. На них были широченные красные шаровары из крепкого сукна, волнами ниспадающего на сапожки с загнутыми носами, короткие красные халаты – кажется, они назывались чекменями – с поясами и портупьями. На ремнях ножи в форме полумесяца. Двое, помладше, щеголяли длинными чубами, растущими посреди бритых макушек, третий, низкорослый толстяк, носил большой черный тюрбан.

В руках у всех были двустволки с толстыми «собачками» и очень длинными прикладами. Я вспомнил, что это оружие называется берданкой, равно как вспомнил и то, что так одеваются гетманы Инкермана.

– Я ж попал! – выкрикнул рябой и бросился к лежащей под валуном зверюге.

Толстяк в тюрбане ответил:

– Почему тогда он жив?

– Значит, промахнулся Евсей, – ответил третий гетман, чей черный чуб был закручен вокруг левого уха. – Что с другим, который на валуне торчал?

За спиной раздался короткий вскрик и звук, какой может издать большой нож, когда его с силой погружают в человеческое тело. Я потер кадык, поняв, что бедняге Авдею конец.

– Готов, готов! – прокричал Евсей за моей спиной. – Может, голову ему отрезать да в Редуте на кол? Не, тащить неохота. А второй мою гонзу убил! Я ж ее столько натаскивал!

Гетман в тюрбане окинул взглядом торчащую из склона машину.

– Вы поглядите: некроз пропал. Теперь к грузовику подойти можно, узнать хоть, что там в нем. А ты не оттуда вылез, малый? – он ткнул в меня стволом.

Я подобрал ноги, готовый вскочить, хотя и понимал, что не справлюсь с тремя вооруженными людьми.

– Старшина, он ей хребет прострелил! – зло продолжал рябой. – Нелюдь поганая, я ж столько возился с ней!

Я вовремя оглянулся, чтобы увидеть, как он подсакивает ко мне, заноса кривой нож. Рыжий чуб развевался на ветру, глаза сверкали злобой. Рябое лицо напоминало осенний луг – сухое, желтое, шелушащееся. Евсей попытался вцепиться мне в волосы, но я дернулся, и он лишь сорвал косынку с моей головы. Нож пошел вниз, чтобы впиться в шею, я локтем врезал гетману между ног и вскочил, угодив теменем ему в подбородок.

Удар не прошел даром для нас обоих – рябой полетел в болото, а у меня из глаз посыпались искры. Схватившись за голову, я прыгнул к зарослям – оставалась единственная надежда нырнуть в них и попытаться сбежать, – но черноволосый сделал мне подсечку и опрокинул лицом в грязь.

Раздался плеск, короткое ругательство, возглас... Я оглянулся и замер – черноволосый нацелил на меня карабин.

Евсей медленно пятился, держась за подбородок, старшина с поднятым кулаком стоял перед ним.

– Не трожь его! – велел старшина. – Теперь это раб Дома Гантаров!

Евсей недобро посмотрел на старшину, перевел взгляд на меня и вздрогнул. Зрачки его расширились, он сглотнул и сипло сказал:

– Гордей, Владий, слышите... у него волосы белые! Грязные, но белые же! Серебряные!

– Ну так и чего? – не понял старшина.

– Да то, что это Альбинос! – взвизгнул Евсей и, подскочив, ударил меня прикладом берданки в лицо. – Альбинос Кровавый, проклятье Инкермана!

Глава 4

Когда подсвеченный блеклыми огнями Редут вырос перед нами на фоне темного неба, старшина Гордей сказал:

– Евсей, вперед иди, скажи, что это мы.

Рябой всю дорогу подгонял меня тычками приклада в спину. Судя по довольному сопению, это его забавляло.

– А чего я? – спросил он. – Пусть вон Владий...

– Евсей, марш вперед!

Молодой поравнялся со мной, плюнул мне под ноги и ускорил шаг. Я не обратил на него внимания – рассматривал Редут. Основанием ему служило большое древнее здание, наполовину ушедшее в землю, в его заложённых кирпичом оконных проемах чернели бойницы. По краю широкой бетонной крыши, находящейся теперь всего в нескольких локтях от поверхности земли, шел частокол из бревен, с врезанными посередине воротами. На бревна насадили черепа, протянули между ними провод, а внутрь вставили лампочки. Тусклый свет лился из глазниц, и казалось, что черепа наблюдают за нами с ограды.

От земли к воротам вел дощатый настил на сваях. На угловые башни Редута пошли глыбы красного гранита, который добывали только в печально знаменитых каменоломнях Инкерманского ущелья, где каждый сезон гибли десятки рабов. На башнях зачем-то водрузили ржавые клетки.

Гетманы вели меня к настилу. По сторонам от него стояли два грузовика с катушками кабеля в открытых кузовах, к одной машине была прицеплена повозка с генератором. Выглядели грузовики воинственно: на кабине у каждого вертлюги с пушечкой, заряженной гарпуном. Рядом приварены треноги с горящими прожекторами. Наверное, кабель прокладывали в каменоломнях, чтобы подавать с генератора электричество – привязывали к гарпуну, выстреливали в скалу возле входа в забой, а дальше тянули кабель в шахту.

Раздалось злобное тьяканье, со скрежетом приоткрылась калитка в створке и навстречу, стуча когтями по доскам, выскочили три гонзы в ошейниках. Мы остановились перед ведущим вверх настилом, мои кандалы звякнули. Зверюги замерли, скалясь и тихо рыча. В клетки на одной башне показался силуэт, и Евсей прокричал:

– Отпирай, дозор воротился! Гордей и Владий с Евсеем!

– Вас же четверо, – донеслось сверху, после чего раздался переливчатый свист, и гонзы убежали обратно за калитку.

– Иди давай, – сказал за спиной Владий, и я стал подниматься вслед за рябым гетманом.

– Раб это новый, возле грузовика взяли, – пояснил старшина, когда мы остановились у ворот.

Где-то тарахтел генератор, свет из черепов озарял створки – неотесанные бревна, скрепленные железными уголками. Гонзы юркнули в будки под частоколом и улеглись там, выставив наружу головы.

– Пряма там и нашли? – удивились на башне. – Я думал, возле ущелья давно никого. Так что, вправду некроза не стало?

– Пропал, – подтвердил старшина.

– Так надо людей туда, чтоб в грузовик забрались, вдруг чего интересного внутри. Это ж, говорят, машина самого Ефрония Отшельника! Сколько сезонов она под некрозом была...

– Заткнись ты! – прокричал Евсей, задрал голову. – Утром людей пошлем, я коменданту

сам скажу! Открывай уже!

*

Лязг засовов разбудил меня. Я лежал на застеленной тряпьем койке, подложив под голову руку, а другую свесив к полу, и когда дверь с тяжелым скрипом отворилась, раскрыл глаза.

Евсей, Владий и Гордей сменили чекмени на длинные рубахи, подпоясанные все теми же ремнями с портупелями, на которых висели кривые ножны. В руках у каждого была берданка.

– Подъем, – сказал старшина, постучав по койке прикладом.

Я сел и сунул ноги в сандалии.

– Быстрее, мутантово семя! – прикрикнул Евсей. – Шевелись!

Выпрямившись, я потянулся. Охранники Редута отступили, Владий с Евсеем подняли оружие. Рябой едва ли не подпрыгивал на месте, норовя ткнуть меня стволами.

– Сядь обратно, – сказал старшина.

– Сесть! – тут же заорал Евсей. – Сидеть, тебе

сказано!

Я сел.

– Руки протяни.

Когда я выполнил и этот приказ, рябой и Владий встали по сторонам, целясь мне в голову, а старшина снял кандалы с широкого ремня и сковал меня.

Кандалы состояли из четырех соединенных цепью железных обручей, диаметр их можно было менять, вращая винты. Пока Гордей трудился над ними, Владий спокойно ждал, зато Евсей дважды ткнул меня стволом в висок, причем второй раз куда сильнее. Когда это произошло в третий раз, я спросил Гордея:

– В Редуте вас плохо кормят, старшина?

Он покосился на меня, заворачивая последний винт.

– Чего?

– Мальчонка не может ружье удержать. Ходуном ходит. Или просто руки трясутся от страха? – Я повернул голову к Евсею и подмигнул ему. Рябое лицо напряглось, рот приоткрылся, показав гниловатые зубы. – Да ты не бойся,

гетман, я тебе ничего не сделаю. Хотя зубы надо бы выбить, все равно скоро выпадут.

Старшина отступил, закончив с кандалами. Евсей заорал:

– Ты что сказал? Мальчонка?! Ты... Да я старше тебя буду! Ты – щенок херсонский! Ты уже считай что мертвец, слышишь, отродье?!

Он почти без замаха, но сильно ударил меня прикладом по лицу. Немного выше – и сломал бы переносицу, а так лишь разбил губы в кровь и чуть не высадил парочку верхних зубов. Стены камеры качнулись, в голове громыхнуло, я свалился на край койки, откуда скатился бы на пол, если бы Владий не ухватил меня за плечи.

– Евсей, ты что творишь?! – крикнул Гордей.

– Слышали, что он сказал? Херсонец поганый, тварь! Я его убью!

– Назад! Не трогай его, или нужники всю ночь чистить будешь!

Я не мог понять, почему Евсей так нагло ведет себя. Старшину он не сильно уважал, это было хорошо видно по рябому лицу.

В голове слегка прояснилось, я сполз с койки,

подогнул ноги и медленно встал. Владий поддержал меня. Камера снова качнулась, поплыла, кренясь. Темная волна накатила на меня, и я стиснул зубы, пытаюсь отогнать ее, не дать накрыть себя с головой, чтобы не вырубиться на глазах у этой троицы.

Одна цепь соединяла лодыжки, другая, прикованная к ее середине, заканчивалась обручами на запястьях, и руки я мог поднять лишь до живота. С губ текла кровь, капала на подбородок и шею, а вытереть – никак.

– Во, хорош! – ухмыльнулся Евсей. Ударив меня, рябой заметно повеселел. – Грозный какой! Где теперь твоя грозность, херсонец, кому продал?

– Заткнись, – оборвал его Гордей. – А ты – наружу, живо!

Я направился к двери. Камера находилась под крышей башни, и меня повели вниз по винтовой лестнице. Старшина шел впереди, часто оборачиваясь, двое гетманов шумно топали сзади, нацелив берданки мне в спину. В железных подставках горели факелы, огонь гудел, дрожал на сквозняке, неровный свет озарял седой затылок Гордея. В кандалах я не мог идти быстро: каждый раз, когда нога опускалась на следующую ступень, цепь тянула руки книзу.

Железо лязгало о камень, сзади доносилось сиплое дыхание. Старшина то и дело машинально ускорил шаг, должно быть, хотел поскорее доставить меня куда приказано, но оглядывался и притормаживал.

– А пошустрее не можешь, улитка херсонская?
– рявкнул Евсей над ухом. – Э, а что это у тебя за раны на затылке? Едва зарубцевались... Кто это над тобой поработал, Альбинос, хотел бы я тому человеку руку пожать!

Я не обращал на него внимания. Кровь из разбитых губ уже не текла, но я хорошо ощущал ее соленый вкус.

– Быстрее топай, говорю!

В спину ткнулся ствол.

– Евсей! – заорал старшина, в очередной раз оглянувшись. – Я сказал не трогать его!

Рябой что-то буркнул в ответ, но ружье опустил.

Вскоре мы очутились на озаренной факелами крыше древнего здания, служившего основанием Редуту. Здесь стоял барак, пара домиков и в центре высоченная решетчатая мачта, вокруг которой сутились люди. На ее вершину,

цепляясь за поперечные штанги, карабкался человек.

К дальней угловой башне, куда направлялся старшина, подплывал дирижабль с шаровидной емкостью, совсем непохожий на термоплан Чака. Когда летающая машина прошла над частоколом, с открытой палубы сбросили канат, и следом донеслась команда: «Швартовый принять!» Я вздрогнул, когда из мутного болота моей памяти на поверхность, будто пузырь, всплыло слово: небоходы.

И следом за ним гроздью выскочили другие пузыри-воспоминания: Гильдия, дирижабли и авиетки, пилоты в кожаных бриджах, куртках, облегающих шлемах и круглых очках. Во всей Пустоши только Гильдия небоходов владеет летающими машинами. Пузыри лопались в голове с почти слышными хлопками, наполняя сознание смутными картинками, быстро сменяющимися друг друга. Небоходы покупают у гетманов чензир – особое вещество, которое вырабатывают на заводе Инкермана из добытой в каменоломнях породы. Когда оно застывает, то становится эластичным, крепким и огнеупорным. Гильдия пропитывает чензиром газовые емкости, гондолы летательных машин и отливают из него опорные колеса для авиеток.

Пройдя через дверной проем, мы очутились

на винтовой лесенке внутри башни. Я решил, что меня сопровождают наверх и посадят в дирижабль, но старшина направился вниз, под крышу древнего здания. Миновав несколько ступенек, он снял с шеи тяжелый ключ. Лязгнула решетка в конце лестницы, Гордей вытащил из скобы в стене факел и шагнул в проем.

Оказавшись в темном коридоре с двумя рядами заколоченных дверей, я остановился.

– Шагай! – тут же донеслось сзади.

Старшина оглянулся, поднял факел выше.

– Чего встал?

– Куда мы идем? – спросил я.

– Шагай, гниль! – Евсей горячо задышал мне в ухо.

– Просто иди за мной, Альбинос, – устало произнес старшина.

– Куда вы меня ведете? – повторил я.

Евсей шумно выдохнул, Гордей сказал: «Нет, стой!» – и кулак рябого обрушился на мой затылок. Я свалился под стеной, сильно ударившись лицом. Шею и позвоночник

прострелила боль, в груди будто что-то лопнуло. Сцепив зубы, тяжело дыша, я перевернулся на бок и как в тумане увидел три пары ног перед собой. Одна приплясывала.

– Евсей, тупая башка! Оставь его!

Удар остроносым сапогом под ребра вышиб из меня воздух, и тогда старшина толкнул рябого в грудь, отбросив к стене.

– Владий, помоги ему встать. Евсей, а ты слушай!

– Не прикасайся ко мне, старшина!!

– Евсей, мутант тебя побери! Я сказал: слушать! Молчать! Радой клянусь, еще раз его тронешь – на всю ночь в нужники отправлю! Я не шучу, понял?!

– Не посмеешь, Гордей, – прозвучало в ответ. Ясно было, что рябой ничуть не раскаивается: голос его переполняло шальное злобное веселье. Я все не мог понять – кто же он такой, этот Евсей, почему так уверенно себя ведет?

Владий помог мне подняться. Зрение прояснилось, хотя подбородок ныл, будто по нему съездили дубинкой. Языком я потрогал один из нижних зубов – он шатался.

– Идем, – сказал Гордей.

Я привалился плечом к стене, плюнул кровью им под ноги и спросил:

– Куда вы меня ведете?

– Старшина, ты слышишь?! – тут же взвился Евсей, замахиваясь, но Гордей отпихнул рябого от меня.

– К коменданту, Альбинос! К Якубу, коменданту Редута, главе Дома Гантаров. Этот ход ведет в его башню. Он ждет. Идем, или тебя отволокут туда.

Странное дело – старшина, кажется, сочувствовал мне, во всяком случае, в голосе его не было злости. А ведь назвал меня этот рябой «проклятием Инкермана». Интересно, что я натворил, чем так настроил против себя гетманов?

Ноги немного дрожали, челюсть ныла. Когда я отвалился от стены и медленно зашагал по коридору, Гордей, обогнав меня, снова возглавил нашу небольшую процессию.

– И что хочет от меня комендант Якуб? – спросил я.

– Ты поговори! – донеслось сзади. – Зубы целы еще?

– Пасть закрой, Евсей! – рявкнул старшина.

Коридор закончился дверью, перед которой стояли двое охранников.

– К Якубу, – сказал Гордей, и один из них толкнул дверь, за которой открылась ведущая вверх лестница.

– Он ждет.

Лестница закончилась еще одной дверью, из-под которой лился яркий свет.

– Не шевелись, Альбинос, – негромко сказал старшина.

Владий встал возле двери, повесив берданку на плечо, рябой остался у меня за спиной. Гордей оглядел меня, пробормотал: «Евсей, урод!» – достал грязный платок, обтер мое лицо и шею от крови. Постучал, из комнаты донеслось что-то неразборчивое. Старшина ступил на порог и доложил:

– Пленного привели.

– А! Так-так, давайте его сюда.

– Нам тоже?

– Нет, снаружи стойте. И дверь затворите!

Гордей кивнул подчиненным.

– Слышали? Здесь дежурить. А ты входи. – Он открыл дверь шире.

Владий остался невозмутим, Гордей смотрел с легким, едва уловимым сочувствием. Я оглянулся – Евсей насмешливо щерился, облизывая губы. Лязгнув цепями, я боком прыгнул к нему, выставив плечо, сильно толкнул в грудь.

Гордей от неожиданности крикнул, Владий схватился за берданку. Евсей заорал, падая по ступеням. Что-то хрустнуло, он завизжал.

Прыгнув обратно, я проскользнул мимо замешкавшихся гетманов и нырнул в дверь.

*

Сквозь потолок доносилось гудение ветряка. По всей комнате ярко горели лампы, и свет их ослепил меня. Дверь захлопнулась. Сделав несколько шагов, я остановился посреди кабинета, прикрыв глаза.

– Так-так-так... Что там за шум был, перед тем

как вы вошли? – глава Дома Гантаров говорил быстро, слова почти сливались. – И что это с вашим лицом?

Низкорослый лысоватый толстяк в богатых одеждах разглядывал меня, покачиваясь с носков на пятки и обратно, заложив пухлые пальцы за расшитый золотыми нитями пояс. Из-под длинного халата торчали загнутые носки сафьяновых сапог. За спиной его была открытая тумба с радиостанцией, от которой провода уходили к дыре, прорезанной в потолке.

– Упал с лестницы, – сказал я.

– Упал... надеюсь, не моя охрана в этом виновата? Может, э... Евсей? – уточнил комендант, приподняв бровь. Торопливая манера речи очень соответствовала его внешности. Круглое розовое личико, порывистые движения, сплюснутый нос, глаза-щелочки... кого-то он мне напоминал.

– Так-так-так... Ну что же вы, садитесь, садитесь.

Он махнул на стул перед массивным столом красного дерева. Перстни на толстых пальцах сверкнули в свете ламп – по стенам и полу разбежались яркие пятнышки, будто огненный горох просыпался по кабинету.

Направившись к стулу, я покосился на высокое зеркало, висящее возле шкафа с древними книгами. В отличие от того, из грузовика, это не было мутным. В зеркале прошел человек среднего роста, в грязной одежде, худой, с гривой спутанных серебристых волос.

Я сел, и комендант Редута почти бегом вернулся к своему креслу. Стол был завален бумагами, Якуб сгреб их в кучу, случайно перевернув глиняную чернильницу в виде стоящего на коленях обнаженного человека с воздетыми руками, запрокинутой головой и широко раскрытым в крике ртом, куда и надо было макать перо. Из нее не вылилось ни капли – чернила давно высохли. Толстяк откинулся на спинку кресла и сложил руки на груди.

– Я удивлен, Альбинос. Можно сказать – поражен. Ведь мы были уверены, что управитель Херсон-Града погиб. Когда вы бежали из Инкерманского ущелья, на вас напали... И все же – вы здесь, передо мной, целый и невредимый. Невероятно!

Я молчал, обдумывая услышанное. Значит, я был у гетманов и бежал от них? Зачем? То есть зачем я приезжал сюда и почему после убегал? Сказать в ответ я ничего не мог и потому решил молчать до тех пор, пока будет возможность.

– Но еще больше я удивлен вашей смелости, – продолжал Якуб. – После того, что вы натворили, после всех этих смертей, резни, пожаров, после того как вас стали называть «проклятьем Инкермана» – снова прийти сюда!

– Я не приходил сюда, – проворчал я, чтобы хоть что-то сказать.

Он замахал руками – жест этот, как и манера речи, был настолько знаком, что я даже нахмурился, стараясь вспомнить, где уже видел Якуба.

– Нет-нет, прямо в ущелье или к Редуту вы не совались, это уже было бы совсем непонятно, но вы оказались неподалеку, всего с одним охранником, и позволили моим людям, несущим обычный вечерний дозор, легко захватить вас. Да к тому же так странно одеты... Вот что я хочу узнать: что вы делали возле грузовика?

Я молчал, потому что и сам толком не знал, что делал в тех местах.

– Альбинос! – повысил голос Якуб и повел рукой в сторону радиостанции у стены. – Знаете, я ведь связался с Радой и сообщил о вас... Думаю, скоро здесь появится сам воевода Лонгин. Как полагаете, для вас будет лучше, если вами займется он? После того, что вы сделали с его

сыном и дочерью?

В комнате повисла тишина. Комендант Редута постучал костяшками пальцев по краю стола, подался вперед, тут же снова откинулся в кресле... И вдруг я понял, чем вызвана эта суетливость в движениях и словах: гетман боялся меня! Боялся и был растерян, не понимал, что означает мое появление в этих местах и чего от меня ждать, пытался сообразить, что к чему, чтобы получить от происходящего выгоду. Но ведь я в его руках, разве нет? Бояться надо мне, а не ему, Якуб может сделать со мной все что угодно... Или не может?

И еще одна мысль не давала мне покоя: судя по отношению ко мне разных людей и некоторым их словам, на моей совести множество смертей. Неужели я такое чудовище? Я не чувствовал себя *плохим*. Кажется, я довольно язвительный тип, наверняка при необходимости могу убить... Но я не убийца по натуре и не получаю удовольствия от чужого горя, страдания, смерти. Во всяком случае, так мне кажется – но, выходит, это не так и я просто не знаю, на что способен, не успел заново изучить себя, свою натуру?

– Я могу защитить вас от воеводы, Альбинос,
– добавил Якуб.

– Но его послала Рада, – сказал я наобум.

– Да, однако сейчас мы в Редуте, который принадлежит гетманам Дома Гантаров. То есть мне как главе Дома.

– С каких пор Редут стал вашим? – спросил я.

Он улыбнулся, засопев, ухватил себя за нос и, наклонившись над столом, заговорил доверительно:

– Бесспорно, Редутом владеют все четыре Дома, чьи главы составляют Раду Инкермана. Кстати, если помните, их стало четыре вместо пяти именно благодаря вашим стараниям, Альбинос. Вы едва не разрушили наше небольшое сообщество, едва не стали причиной гибели Домов Инкермана, и когда всем гетманам станет известно, что вы живы... О, они потребуют самой мучительной, суровой кары для вас.

– Но им и так известно, – возразил я. – Вы же связались с...

Он прервал меня поспешным взмахом руки.

– Пока что это известно лишь главам двух Домов, считая мой, да еще воеводе! В моих силах помочь вам.

– Что меня ждет, если я попаду в руки Лонгина?

– Полагаю, публичная казнь, равной которой по длительности и... э-э... мучительности не знало Инкерманское ущелье. А у нас разбираются в... в причинении болезненного вреда человеческому телу, ведь мы вынуждены подавлять восстания неблагодарных, работающих на наших каменоломнях. Необычные у вас глаза, Альбинос.

– Что в них необычного?

– Они у вас светло-синие, какие-то очень яркие. Кроме вас, никогда не встречал людей с такими глазами. Наверное, от матери? Слышал, она была из кочевых.

Я пожал плечами.

– Почти не помню ее.

– Ну да, ну да, я знаю ту печальную историю. И все ж таки, Альбинос, для чего вы появились здесь? И каким образом остались целы и невредимы, когда бежали из ущелья?

Раздался стук в дверь, и комендант недовольно крикнул:

– Что там еще?

Я не оглядывался и не видел, кто появился в кабинете, но услышал кашель, а после – голос старшины Гордея.

– Комендант, тут... такое вот дело...

– Что, что, что? – Якуб вскочил, глаза блеснули, словно он почувствовал неладное. – Что там у вас?

– Евсея к лекарю снесли.

– Что? Почему к лекарю?

– Так он... – голос стал громче, старшина вошел в кабинет. – С лестницы упал, вот недавно... Башкой вниз, ну и...

– С лестницы? Что – «и»? Говори!

– Руку сломал в этом... в локтевом суставе. Прямо так и хрустнуло там.

– Руку сломал?

– Ага, и еще трещина в черепухе.

Гордей встал справа от меня, я видел его краем глаза. Сзади донеслось сопение – там появились другие охранники.

– Жить будет?! – закричал комендант.

– Лекарь говорит – будет, но...

– Так почему он с лестницы упал?

– ...Но может речи лишиться, онеметь то бишь, да и рукой теперь не очень-то...

– Почему упал, спрашиваю?!

– Так ведь... – Гордей удивленно повел головой в мою сторону. – Он что, не сказал? Евсей же Альбиноса бить стал, а тот Евсея и толкнул, вот когда мы его к вам вели, аккурат перед тем как в кабинет...

Лицо Якуба пошло пятнами. Мгновенно – лоб и щеки покрылись розовыми бляхами, на подбородке проступила мелкая сыпь.

– Он? Альбинос? Толкнул?! Убил сына?! – тонким голосом заверещал Якуб. Рванув ящик стола, он выхватил нож – черный клинок из плавника катрана, рукоять украшена алмазными крошками.

Вот почему Якуб казался мне знакомым: Евсей, постоянно пританцовывая, повадками и речью копировал отца...

– Держите его! – комендант бросился в обход стола. – Держите! Сейчас... глаза ему! Глаз лишу, повешу потом! Держать крепко!!!

Я дернулся, но на плечи легли две пары сильных рук, а кто-то обхватил за пояс, прижав локти. Подскочил Якуб, и я что было сил пнул его в живот. Комендант упал на спину, взмахнув ножом. Старшина врезал мне кулаком в лицо, потом навалился на мои ноги, сдавил колени. Извиваясь, безуспешно пытаюсь освободиться, я увидел над собой искаженное лицо коменданта. Одной рукой он схватил меня за волосы, прижав затылком к спинке стула, склонился, занеся черный нож. Клинок приблизился к правому глазу, и я зажмурился, хотя веко слишком ненадежная преграда для плавника катрана. Упершись подошвами в пол, я сильно оттолкнулся. Стул закрипел, но вырваться не удалось.

– Вот так! – шипел комендант чуть ли не сладострастно. Нож кольнул веко. – Вот так, мразь херсонская...

Сзади донесся властный голос:

– Посадите в трюме, запрете... Что здесь происходит?

– Назад! – завизжал комендант, а потом

раздался звук удара, шелест, крик, лязг...

Руки с моего тела исчезли – все разом. Я раскрыл глаза. Якуб лежал на боку возле стола, держась за грудь. Гордей стонал, стоя на коленях перед стулом. Рядом почти в такой же позе пребывал один из охранников, второй корчился у стены. Не вставая, я задрал ноги и стоптанными подошвами сандалий ударил охранника в лицо, опрокинул его навзничь.

– Прекратить!

Судя по звуку дыхания, позади меня находились несколько человек. Один обошел стул, и я увидел высокого крепкого старика со шрамом через все лицо, в походной одежде и черном тюрбане, украшенном золотой бляхой.

– Якуб, что ты делаешь? – спросил воевода Лонгин.

От него веяло силой и уверенностью. Позади воеводы стояли трое гетманов с берданками и короткими кривыми саблями на поясах, в черных шароварах и кольчугах из костяных пластин, скрепленных железными кольцами.

Якуб вскочил.

– Ты меня ударил, Лонгин, – прошипел он,

придерживаясь за край стола. Коменданта качало, лицо его покраснелось, как закатное солнце. – Ты... как ты посмел?! Я – глава Дома Гантаров! Я...

– У меня нет времени на разговоры, – перебил воевода и повернулся к своим людям: – Альбиноса на борт. Уходим.

Двое гетманов подхватили меня под мышки и подняли на ноги, третий, не опуская ружье, переводил взгляд с охранников на коменданта, а с того на Гордея. Якуб шагнул к нам, и гетман негромко предупредил:

– Прострелю башку.

Комендант обжег меня полным ненависти взглядом, и я, не сдержавшись, подмигнул ему, как недавно подмигивал в камере Евсею.

– Идем, – Лонгин первым зашагал к двери.

Сильные руки развернули меня, и стало видно, что все это время в комнате находился еще один человек – мальчик с бледным миловидным лицом, в длинном плаще и небольшой аккуратной чалме. Он посторонился, освобождая дверной проем, и гетманы повели меня к лестнице.

– Стой! – злобно каркнул комендант сзади. – Стой, Лонгин! Я глава Дома, член Рады! Ты не уведешь этого человека! Он нужен мне, я...

– В Раде и разберемся, – равнодушно бросил старик. – Днем будь в ущелье, Якуб.

– Альбинос в моей власти! Он напал на моего сына!

Мы были уже на лестнице, мальчик в плаще сопровождал нас, откинув полу и положив ладонь на рукоять кинжала. Он пристально смотрел на меня.

– Теперь он во власти Рады, – прозвучало сзади.

– Берегись мести Гантаров! Даже в своих казармах ты не спрячешься... – Дальнейших слов я не слышал: Лонгин захлопнул дверь, будто топором обрубив угрозы Якуба.

Во дворе стояли прилетевшие с воеводой гетманы, вокруг толпились мало что понимающие охранники Редута. Большая бледная луна висела над башней.

Идущий впереди мальчик поднял руку, и гетманы выстроились вокруг нас.